

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ
МЕРЗЛЯКОВ

ПОДРАЖАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

IMWERDENVERLAG
MÜNCHEN 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ТАССО

ИЗ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»	
ПЕСНЬ ТРЕТИЯ	5

ГОМЕР

ЕДИНОБОРСТВО АЯКСА И ГЕКТОРА	18
УЛИСС У АЛКИНОЯ (Отрывок из Гомеровой Одиссеи)	
КНИГА VIII	24
ГИМН ЗЕМЛЕ	26
ГИМН СОЛНЦУ	27
ГИМН ПАНУ	27
ГИМН МАРСУ	29

САФО

ГИМН ВЕНЕРЕ ОТ САФЫ	30
К СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБОВНИЦЕ	31

ФЕОКРИТ

РЫБАКИ	31
ЦИКЛОП	33
ДРУЗЬЯ	35

МОСХ

АМУР-БЕГЛЕЦ	37
ЕВРОПА	38

БИОН

УЧЕНИЕ	41
ПЛАЧ ОБ АДОНИСЕ.....	42

ТИРТЕЙ

ОДЫ	44
-----------	----

ГОРАЦИЙ

К ПИРРЕ (К. I, О. 5)	50
К ФУСКУ (К. I, О. 22)	52
ОБРАЩЕНИЕ (К. I, О. 34)	52
К ДЕЛИЮ (К. II, О. 3)	53
К ЛИЦИНИЮ (К. II, О.10).....	54
К НАДМЕННОМУ БОГАЧУ (К. II, О.18)	55
К ЛОЛЛИЮ (К. IV, О. 9)	57
К ТОРКВАТУ (К. II, О. 7)	58

ОВИДИЙ

ДВЕ ЭЛЕГИИ

* * * (К. I, О. 2)	59
* * * (К. I, О. 8).....	61

ТИБУЛЛ

К ДЕЛИИ (К. I, О. 3).....	62
ОСВЯЩЕНИЕ ПОЛЕЙ (К. II. О. 1)	64

ПРОПЕРЦИЙ

К ЦИНТИИ.....	66
---------------	----

ТАССО

ИЗ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Уже предвестник дня, овлаженный росой,
Повеял легкий ветер над утренней горою.
Аврора восстает с румяных облаков;
Унизан розами превыспренных садов,
Златой ее венец полнеба озаряет.
Уже по стану клик отрадный пробегает;
В доспехах воины; ударил трубный гром,
И с шумом разлилось веселие кругом.
Вождь мудрый властью, любви единой сродной,
Питает, правит пыл отваги благородной.
О, гневный ратей жар! Удобнее стократ
Сдержат стремленье волн в кипящий Сциллы ад;
Удобней стать против бореев, устремленных
С утеса Аппенин на гибель флотов тленных.
Готфред — правитель бурь: он гласом, взором он
Дает их быстроте устройство и закон.
Не стопы их несут; их крыла увлекают;
Крылатые сердца полет их упреждают;
Казалось, их следов не слышит мать-земля.
Но солнце мечет взор на бледные поля:
Зарделась окрестность, огнем его палима,
И загорелися главы Ерусалима.
Се ты, Ерусалим! — вокруг тысячи гремят;
Се ты, Ерусалим! — приветствуем стократ!
Так смелые пловцы, игралище волнений,
Для славы льстивыя далеких откровений,
При блеске чуждых звезд, в незнаемых морях,
Блуждают жертвы зол, — вдруг в жаждущих очах
Родимая земля над пеной волн синее;
Всё ближе, всё ясней, и сердце их светлеет;
Забыто горе, труд; к ней руки, к ней привет:
Как будто не было ни бурь для них, ни бед!..

Но радость первого на божий град воззренья
Сменилась трепетом немым благоговенья.
Прискорбной думою томятся души их;
Не смеют глаз вознесть к укреплениям стен святых;

Всяк мнил: се, бренное предвечного селенье! —
Здесь умер, здесь принял земное погребенье, —
Здесь, гробу покорясь, гроб смертный победил
И ризу тела он бессмертьем обновил!..
Взор слезный, тихий глас, прерывные рыдания,
И вздохи тяжкие, и теплые взыванья —
Всё вкупе: радость, грусть и умиленный страх,
Слияся в гул един, носилися в рядах.
Так бурный ропщет ветер в глуби дубравы скромной:
Деревьев слышен скрип и говор листьев томный;
Так волны ярые, меж скал или берегов,
Дробясь, возносят вой и стон до облаков.
Все ратники — вождей примеру подражают:
Необуvenные путь тихий продолжают;
И золото, и серебро, нарядов пышный вид
Отринут: очи он смиренных тяготит;
Их шлемы лишены приборов искрометных,
И в перьях не горят верхи их разноцветных;
Но паче вредное блистание сердец,
Вы, гордость и тщета, забыты вы вконец!..
С слезами кротости и самоотверженья
Они в себе винят холодность умиленья.
«Так, здесь, спаситель мой! — гласит герой, стена, —
Так здесь излита кровь святая за меня!
И я, бесчувственный, к следам твоим касаюсь!
И я в источник слез еще не превращаюсь!
И сердце лдяное не тает от скорбей!
Согрейся, хладна грудь! терзайся, рвись, болей!
Преступная душа! теперь ли мне изменишь?
Ты вечностию слез минут сих не заменишь!»

Так веры выпренней крушились сыны.
Меж тем неверных страж, с бойничной вышины,
Чрез горы и поля простря свое вниманье,
Зрит дали мгlistыя крутое волнованье;
То заревом оно, то пламенным столпом,
То тучею грозит, стремящей бурный гром;
Еще мгновение — и мраки расступились,
Брони горящие и всадники открылись.
«О небо! — возопил, — отколь, с каких степей
Сей праха черный вихрь — сей рдяный вихрь огней? —
Отколь сия гроза? — К оружию! на стены!
К защите, граждане, покоем обольщенны!
К защите! — брань зовет! — несется супостат!
Уж близок. — Стонет гул — равнины вокруг дрожат!
Как разливаются полки его волнами! —
К оружию, скорей! — Несметные пред нами!..»
Восколебался град! И старец, и младой,
Бессильная толпа, недружная с войной,
И жены, чуждые убийственной науки,
Подъемлют к алтарям трепещущие руки;

В доспехах ратники, воспитанны в боях;
В доспехах селянин могущий стать в рядах;
Волнуются вокруг стен; стоят — вратам опора;
Всё движет Аладин, всё плод его надзора!

Раздав веления, потребные вождям,
Султан, исполнен дум, в бойницу входит сам,
Которая, восстав между двумя вратами,
Казалось, царствует над долом и горами;
Отсель он видит, где опаснейшая брань,
Где нужен ум его иль опытная длань.
Эрминия одна его сопровождала.
Когда наследный град Антиохия пала,
Она, прелестная, оставив дом отцов,
В царе сем обрела и друга, и покров.

Клоринда между тем летит на поле боев;
С ней многие текут; одна впереди всех воев.
Аргант, таясь в глуши засады, был готов
Приять и поразить нахлынувших врагов.
Неустранимая, стоя перед рядами,
Дух ратников крепит и взором, и словами:
«Теперь, теперь, друзья, мы подвигом благим
Надежду первую Востока утвердим!»
Рекла — и видит сонм противных отдаленный,
Стяжаньем добычи обычным увлеченный:
Отважные текли в стан радостный тогда,
Гоня перед собой богатые стада.
Бестрепетная к ним, обстала вокруг ловитвы.
Гордон, их вождь, дает знак гибельных битвы.
Герой великих сил, но слабый перед ней.
Удар — и роет прах он тяжестью своей;
Несчастный пал в очах двух полчищей враждебных;
Срацины в откликах веселых и хвалебных
Являют свой восторг, их суетный совет
Сию победу чтит предвестием побед.
Клоринда грозная смятенных в сонм влетает;
Ее рука сто рук могучих заменяет;
Сподвижники вослед стезей кровавых сеч,
Которые отверз ее ужасный меч,
Врубаются, женут, добычу их уводят;
И верные, стеснясь, среди мечей отходят
Шагами тихими на высоту холмов;
Там стали, укрепясь. К ним помощь от шатров:
Как ветер порывистый, крутя пески сыпучи,
Как огонь падет из недр громоносящей тучи,
Танкред, Готфредовы веления прияв,
Танкред спешит с полком, копьё свое подъяв!..

Огромное копьё, игра руки дебелий,
Приятный, стройный стан, решимый вид и смелый

Пленили взор царя: не сводит он очей
И чтит его одним из избранных вождей.
Потом, склоняся к той, которой трепет страстный
Давно уже сказал, кто витязь сей опасный, —
«Царевна! — он гласит, — ты зрела франков рать,
Ты можешь их вождей и в шлемах познавать!
Поведай мне, кто сей, столь быстрый, столь красивый,
Играющий копьём с улыбкой горделивой?»
Изрек. Ответом вздох и слезы лишь одне!
Стремится стон сокрыть в сердечной глубине;
Но влажный взоров блеск, но персей волнованье
Являют тайное души ее страданье.
Прелестная молчит, вздыхает, плачет вновь,
Наружною враждой прикрыв свою любовь.
«Увы! — гласила так, — его давно я знаю...
Меж тысячей его я сердцем угадаю.
Он кровью наших сил долины упоил,
Он рвы глубокие телами завалил;
Все травы, чары все науки ухищренной
Не могут врачевать им раны нанесенной.
Опасен он сердцам!.. Ах! витязь сей, Танкред,
Боюсь, чтоб не погиб... чтоб лютый меч... нет! нет!
Я в плен бы увлещи жестокого желала!..
Чтоб видела его и сердце бы питала
Той мезью сладостной, для коей я жива!»
Вещала — тяжкий вздох прервал ее слова...
«Все, все они, — рек царь, — найдут иль плен, иль гробы...»
(Слепой! он страсть любви порывами чтит злобы!)

Клоринда между тем, склоняся на луке,
К Танкреду понеслась; — копьё в ее руке.
Стеклись, ударили в забрала шлемов медных —
И копьё! их летят в обломках искрометных.
Часть выи девственной была обнажена.
Еще удар... о, страх! — связь шлема сорвана...
Он снят... на сталь волна золотых власов упала.
В грозящем ратнике красавица предстала.
Ланиты в пламени... горит враждою взгляд.
Взгляд милый в гневный час! — что ж был бы в час отрад,
С улыбкою любви? Танкред ожесточенный!
Где мысль твоя? Где взор? Ужели, ослепленный,
Еще ты не познал прелестных сих очей?
Вот радость! вот тоска! мечта души твоей!
Ах! в сердце у тебя сие изображение;
Спроси его: оно рассеет заблужденье! —
Ты зрел ее, ключа пустынного в струях
Омывшую с чела почтенный браней прах! —
Ты зришь сей шлем, сей щит, сии ланиты нежны —
Сей призрак дум твоих бесценный, безнадежный!..
Он видит наконец... смущен, недвижим, нем! —
Она, сокрыв главу, против него с мечем.

Он вспять, она за ним; женет, — бежит несчастный,
На жертвы новые стремится булат ужасный.
Но грозная к его привязана следам;
«Постой, сразись!» — гласит, и вдруг к его стопам
Повергнула двоих, две мщению препоны.
Разимый не разит, не хочет обороны;
Взор быстрый не к мечу, к сим взорам прилеплен,
В которых страсти бог устроил вечный плен.
«Ах! что твоя рука? — герой в себе вещает, —
Удар булата вмиг бесплодно погибает;
Но стрелы прелестей не тщетны, не умрут,
Сквозь медную броню в сердца они идут!..»

Решился наконец — и мыслить не дерзая
О нежности ее, — решился, умирая,
Излить он таинство несчастное пред ней;
Чтобы узнала всё, что он ей не злодей,
Что пленник, раб ее, трепещущий, смиренный:
«О ты, которой гнев, судьбою воспаленный,
Являет, что тебе здесь в тысячах врагов
Врагом лишь только я... оставь ряды полков!
Отделимся... наш долг — верней познать друг друга;
Изведаем себя вне буйственного круга». —
Приемлет договор. — С блистающим мечем,
Забыв, что влас ее не осеняет шлем,
Жестокая летит; за ней Танкред унылый,
Преступник, пред своей открытою могилой.
И битва началась. — «Помедли! — он речет, —
До брани совершим мы брани сей завет».
Остановилась. — Любовь, тоска, томленье
В страдальческую грудь вливают дерзновенье.
«Коль мира утвердить не хочешь ты со мной,
Внемли завет, — изрек отчаянный герой, —
Вот сердце: исторгай, рази его по воле;
Оно не может жить, когда не может боле
Жить токмо для тебя: оно твое давно.
Теперь сверши удар: мне гибнуть суждено! —
Возри: вот здесь мой меч. Кидаю шлем, забрало...
Вот грудь открытая... что медлишь? или мало?
Иль помощь для тебя — или мой нужен плен?
Возри: срываю я броню свою с рамен...
Карай, жестокая!..» — Еще Танкред несчастный
Стремился изречь любви мученья страстной,
Как вдруг неверных сонм свирепостью реки
Нахлынул с воплем к ним. Смешались полки,
Кипят... и варвары теперь не устояли;
Иль хитрость, или страх к твердыням их погнали.
Един из христиан — бездушный враг красы, —
Зря юной всадницы волнуемы власы,
К ней гибелью спешит, приблизился, над жертвой

Заносит с тылу меч; к нему — Танкред полмертвый.
«Постой!» — вскричал; летит, не удержим ничем,
Удар ничтожного отбил своим мечем.
Но поскользнул булат — дымится легка рана,
С волосами русыми смешалась кровь багряна,
И капли редкие на выю к ней падут.
Таков художника испытанного труд:
Рубина нежный огонь на золоте пылает.
Танкред неистовый, как лев в лесах, рыкает;
К врагу презренному направил свой полет.
Но ратник вспять пошел. Танкред за ним вослед,
Как вышнего перун, гроза неизбежима.
Клоринда, зря сие, безмолвна, недвижима,
Не знала, что начать, не верила очам;
Потом с толпой своих пустилась ко стенам.
Но часто на бегу претящею являлась;
И отступала вдруг, и вдруг останавливалась,
Бежит, преследует, окружена, и нет!
Не хочет уступить, не хочет и побед!
Таков является в ристалищах оградных
Вол ярый среди псов, горячей крови жадных;
Уставит ли рога — рассеялись дождем;
Бежит — и все за ним, и все впились в нем.
Бесстрашная главу щитом приосеняет,
Удар удару вслед бесплодно погибает.
Так мавр, стремясь назад, умеет на играх
Останавливать меча враждебного размах.

Уже гонимые, гонящие в злой сече,
Все вкупе, утекли под самый град далече, —
Внезапно страшный вопль раздался по странам:
Неверных полчища, подобясь волнам,
Разлились из засад и доли наводнили;
Мгновенно христиан срацины окружили;
Те с тылу, те с боков, и сам Аргант с полком,
Как смерть, отчаянных предстал перед лицом.
Черкес неистовый, в огне и бурях хладный,
Исходит из рядов, как волк из нырищ гладный.
Се! — всадник пылких лет, отвагою влеком,
Одним ударом пал, — пал купно и с конем.
Уже вкруг грозного лежали трупов горы;
Не насытимые горят убийством взоры;
Копье его летит отломками на прах.
Он поднял тяжкий меч — противным новый страх!
Клоринда с ним делит лавр чести и искусства.
Уже Арделион, без образа, без чувства,
Лежит седый герой, но доблий в седирах!
Подпору старости он зрел в двоих сынах.
Напрасно!.. старший сын Алкандр, ее рукою
Жестоко поражен, не мог закрыть собою

Родительской груди; а Полиферн младой
Едва и сам избег от смерти роковой!..
Меж тем Танкред, в пылу отмщения слепого,
Напрасно мнил постичь врага Клоринды злого:
Быстрейший конь его от казни уносил.
Герой, остановясь, взор к спутникам склонил:
Уже, влекомые отвагою безумной,
Пределы перешли и гибнут в сече шумной,
Объятые врагом; — коню бразды дает,
Летит — и кто за ним? — всей рати крепость, цвет,
Дудона с знаменем Дудона ополченье! —
Ренальд, смиритель битв, красавиц восхищенье,
Ренальд наперед. — Не столь порывист гром!
Уже Эрминия, познав его шелом,
На коем изражен орел быстропарящий,
Познав сей стройный стан, сей вид, врагам грозящий, —
«Вот, вот, — гласит царю, — отважнейший из всех!
В сей длани положен судьбиной битв успех;
Нет равного ему в искусстве ратных прений,
Соперник не рожден. Он, отрок, — бог сражений!
Когда бы франков рать сочесть в себе могла
Еще подобных шесть: о, море бед и зла!..
Во узах христиан владыки б восстенали,
И Полдня и Зари народы бы познали
Со трепетом его законов новый свет;
И хитрый Нил, в горах сокрывший свой хребет,
Склонился б влажною к снопам его главою. —
Его зовут Ренальд... одной своей рукою
Скорее ма́хин всех, он стены потрясет.
А сей, которого отликой злачный цвет
На серебряной броне, — Дудон его названье.
И слава прадедов, и дел его сиянье
Со всеми первыми сравнять его могли;
Лета ему права начальства принесли.
Другой — окрест его... как черный дуб великий,
Жернанд, отважный брат норвежского владыки;
В нем сердце гордости тщетой напоено,
Блестящих дел его позорное пятно!
Сии два витязя — союз четы примерной!
Во серебряных бронях, супруг с супругой верной!
Гилдиппа! Одоард! влюбленных образец
И храбростью в боях и нежностью сердец!»

Рекла. — В сей страшный час свирепой буря брани
Расколыхалася! — стеснились с дланьми длани —
И льется кровь рекой. — Танкред с Ренальдом там,
Где ратники густей, где меч отпор мечам;
За ними вслед Дудон с дружиною громовой;
Кружится, сеет смерть на ниве он лавровой.
Аргант, и сам Аргант Ренальдовой рукою

Стеснен и поражен, смерть видит пред собой —
Едва подымется... погиб бы дерзновенный!
Но вдруг Ренальдов конь, в порывах закруженный,
На землю грянулся со всадником своим;
Стеснившись, рыцари приникли в помощь к ним.

Тогда язычники, смятены ярим страхом,
Помчались, тыл закрыв позора дымным прахом.
Аргант с Клориндою стояли, как оплот,
Как гордая скала противу бурных вод.
Текут последние и бьются в отступленье,
Усилий христиан преграда и томленье! —
За ними, рояся, как пчелы за стеной,
Безбедно варвары побег скрывают свой.
Дудон обманчивым успехам предается,
По трупам, весь в крови, неистовый несется,
Всё рубит всех разит, как летнюю траву.
Единым взмахом снял Тигранову главу;
Алзара не спасли крепчайшей меди латы;
Расшибен сильного Корбана шлем пернатый;
Тот в выю поражен, другой в состав плеча;
Там вышла сквозь лицо, здесь в перси сталь меча.
И ты, о Амурат! пал мощною рукою;
Мегмед и Альманзор, с томительной борьбою,
Извергли злобный дух, дух, преданный мечтам!
Аргант, Аргант здесь был небезопасен сам.
Кружится великан, в движениях сомненный,
То близ свирепствует, то реет отдаленный;
Нетерпеливою волнуется душой,
И се, — летит, напал — нечаемый злодей —
И меч в ребро вождя открытое вонзают:
В кровавом паре жизнь из раны истекает;
И очи томные, объаты смертной тьмой,
Сковал железный сон и тягостный покой.

Трикраты он отверзть глаза свои стремится,
Чтоб милым светом дня в последний насладиться,
Трикраты, опершись на локоть, встать хотел,
Трикраты упадал... вдруг взор оцепенел,
Закрылись вежды... смерть оледенила члены;
Немеют, влагою холодной орошенны!
Неистовый Аргант, еще ненасытим,
Чрез бледный труп протек к убийствам иным;
Свирепой радостью кипят кровавы взгляды;
Хочет — и, склонясь на галльские отряды,
«Сей меч, — гласит, — мне дар от вашего царя;
Еще дымится он, весь кровию горя;
Поведайте ему, как я употребляю
Сей ратный дар его. — Он будет весел, знаю! —
Скажите, в сем мече дороже мне стократ

Доброта прочная, чем блещущий наряд! —
Скажите, что он сам то скоро испытает.
Что медлит? иль меня во стане ожидает?
Приду! недолго ждать! его недолог страх!» —
Изрек, героев сонм вскипел при сих словах;
Стеснились, гордостью безумной оскорбленны,
Летят против него, как вихрь воспламененный...
Летят... но где борец?.. С толпами увлечен,
Он спесь свою сокрыл в тени охранных стен.
Как буря с гор валит, дыша мертвящим хладом,
Посыпались со стен камня грозным градом;
Как туча снежная в свистящей быстроте,
Секутся, реются тьмы стрел на высоте;
Убийственная мгла над ратью отягчилась.
Льетса смерть вокруг, и — храбрость изумилась;
Недвижны верные... и полчища срацин
Безбедно входят в град... Но се, Бертольдов сын!
Течет, вращая месть в губительной деснице
Дудона падшего свирепому убийце,
«Чего вы ждете здесь? — почто стоять? — вперед!
(Со громом бурных слов оружий гром ревет.)
Или не слышите к вам крови вопиющей? —
Иль отрицаетесь от чести, вас зовущей?
Как! — Мщенью нашему преграда может быть, —
Ваш гнев, ваш правый гнев твердыня преградит!
Нет! нет! будь сталь она, будь крепче адаманта,
Будь сложена из гор, не защитит Арганта!
Найдем его везде. — Смерть, смерть ему удел!..
На приступ, воины!» — и первый полетел,
И храбрые за ним кипящими волнами.
Уже осыпан шлем несчетными стрелами,
И камней облака упали на него.
Он, отрясая шлем, не видит ничего. —
Высокое чело, как небо пред грозою,
Нахмурясь, страшит решительной борьбою;
Ланиты гневные то бледны, то горят,
И сердца в глубине трепещет смутный град.
Мужают витязи... срацины цепенеют;
Их руки на мечях, бездейственны, хладеют.
Был час решительный!.. Но мудрый Сегиер
От имени вождя к героям речь простер;
Исполнен твердости решимой, непреложной,
Претит отваге он сердец неосторожной:
«Вспять, храбрые! — не здесь, не здесь для вас чреда! —
От вашей доблести не здесь мы ждем плода!» —
Вещает так Готфред. — Ренальд остановился,
Безмолвный, трепетал; покорный, он ярился.
Как бурная волна, стесненная средь скал,
Он уступил... но гнев в глазах его блистал.
Невольны вспять текут Христовах чад дружины —
И смотрят с ужасом на отступ их срацины...

Тогда последнюю приемлет, честь Дудон:
Шум, клики ратных бурь смешили плач и стон.
Унылые друзья, сложив щитами длани,
Почтенный, милый труп выносят с поля брани.
Готфред, на высоте горы уединен,
В то время озирал твердыни градских стен.

Сей град на двух холмах основан укрепленных,
Неравной высоты, друг к другу обращенных;
Меж ними посреде глубокий дол лежит,
Столицу древнюю он наполю делит.
С трех стран к ней тягостно и страшно приближенье;
От северной едва приметно возвышенье, —
Сия для чуждых сил открытая страна
Стеной высокою и рвом защищена.
Внутри града хитрыми устроены руками
Хранилища для вод, даруемых дождями,
Каналы и пруды, и стоки струй живых;
Окрестность вся в песках безжизненных, пустых;
Вкруг наго, сухо всё; нет рек, ключей отрадных,
Не осеняет в зной деревьев тень прохладных;
Не улыбается ни злак, ни блеск цветов!
И странник, удалясь сто стадий от валов,
Сретает древний бор, духов геенских сени,
Обитель мрачную коварств и обольщений!
Блаженный Иордан с Ливановых высот
Катит струи своих священно-славных вод;
От запада валы Средьземной бездны воют,
Кипя, в песках берегов седую ярость кроют;
На севере Бетиль, склоненный пред тельцом,
И с бледным Самарит неверия челом;
Меж ними Вифлеем, туманом покровенный,
Смиренна колыбель зиждителя вселенной.

Так мудрый ратей вождь провидящим умом
Измеривал сей град и твердость стен кругом,
И выгоды страны, и местоположенья,
И перстом указал, где полю быть сраженья,
Где слабая страна, где приступа венец...
Эрминия его узрела наконец.
«Се он! — гласит, царю, — сей муж под багряницей,
С величием в очах, с простертою десницей,
Которой, кажется, уставы подает,
Осанист, благ лицом... сей дивный муж, Готфред,
Судьбами вышнего рожденный для короны.
Он знает и вождя, и ратника законы;
Меж всеми первый он в советах и в боях,
Везде герой велик, везде противным страх.
Единый лишь Раймонд с ним мудростию равный;

Один Танкред, Ренальд толико ж в битвах славны».
«Дух витязя сего мне с давних лет знаком, —
Ответствовал Султан. — Когда я был послом
Египта — при дворе галлийском знаменитом,
Тогда на зрелище игр доблестных открытом
Я видел, как копьём он тягостным владел.
Тогда он отрок был; пух легкий чуть одел
Ланиты светлые, но взор, слова, движенья
Являли выпренность его предназначенья.
Тогда я провещал, что будет, он герой...
Нерадостный пророк!» — Покрытые слезой
Здесь очи Аладин смущенный потупляет;
Но вскоре, укрепясь: «Вещай мне, — продолжает, —
Кто сей, столь дружный с ним, грядущий о стране,
В багряной мантии? — Черты лица одне;
Один и тот же взгляд... Он ниже токмо станом».
«То Бодуин, — рекла царица пред тираном, —
Не образом одним, делами брат и друг». —
«А сей, которому внимает ратный круг,
По левую страну, советодатель сильный?» —
«Раймонд. — Уже хвалы я пред тобой обильны
Рекла его уму, хитрейшему в полках:
В нем опыт возмужал и поседел в боях!
Искусный соплетать врагу сокрыты ковы,
Творит он из засад леса себе лавровы». —
«А сей, на коем шлем во злате, как заря?» —
«Вильгельм! то, доблий сын британского царя.
С ним Гвелф, гроза врагов, сподвижник храбрым равный,
Породой, знатностью и саном достославный;
Высока, крепка грудь, широки рамена —
Вот признаки его. Он воинства стена.
Но злейшего не зрю меж нами супостата,
В ком трона моего и племени утрата!..
О рода моего убийца и укор!
Где ты, о Бомонт, скрываешь свой позор?..»

Так царь беседовал с Эрминией унылой.
Меж тем Готфред, ума зиждительного силой
Окрестность обозрев, нисходит в сонм друзей.
Он ведал: труден путь нагорною стезей —
Там: должно брань вести с природою угрюмой,
И к северным! вратам склонился ратной думой.
В долине против них устроил стан он свой,
Простерши рати цепь до башни угловой.
Так, третью токмо часть укреп Святого града
Держала в трепетном борении осада;
Но весь объем его кривых, обширных стен
Не мог быть ратию Христовой обложен.
В замену вождь обрел пособия другие,
Дабы пресечь пути для помощи чужия:

Он занял все места, известные вратам;
Нет выхода из врат, нет входа ко вратам.
Окопы, рвы кругом одели стан священный —
Оплотом дерзости внезапно устремленной.

Свершив сии труды великие, Готфред
К герою, бранный путь скончавшему, течет.
В сумраке скромного величия глубоко
Поставлен на одре торжественно высоком
Дудона чтимый прах. — Друзей его собор
Стоял, склонив к нему от слез померкший взор.
Пришествием вождя и стон, и плач удвоен;
Явился к ним Готфред ни мрачен, ни спокоен;
Пыл горести в душе могущей подавлен;
Терзаемый тоской, но ею не сражен,
На тело устремив недвижимые очи,
Безмолвствовал герой, как призрак в мраке ночи.

«Не слезы и не плач, — вещает наконец, —
Ты должен воспрять от преданных сердец,
Почивший для земли, для неба пробужденный,
От праха смертного к бессмертью воскрешенный! —
Ты славой озарил победный путь креста;
Ты жил и умер ты, как избранный Христа!
Окончены труды и мужества, и веры;
Оставлены друзьям великие примеры.
Блаженная душа! покой твой грозный взгляд!
Нет брани, нет врагов в обители отрад.
Блаженствуй и ликуй!.. Нам слезы, нам рыдания!
Не твой, но жребий наш достоин сострадания!
В тебе утратили мы часть себя самих!
В тебе лишились мы сил собственных своих!
Но если то, что мир здесь смертью называет,
Земныя помощи друзей твоих лишает,
Отныне, восклонясь перед отцем благим,
Ты помощь вышнюю испросишь в горе им!
Ты, смертный, следуя и долгу, и закону,
Орудья тленные нам ставил в оборону...
Бессмертный... ах! позволь надеждой льститься сей —
Пред нами потечешь незримой ты стезей;
Архистратиг небес, ты верных пред полками
Всегубящими днесь оденешься громами...
О горний дух! Внуши молитвенный обет,
Скажи, устрой наш путь, будь вестник нам побед!
И если, славою правдивою венчанна,
Мы подвиг совершим и клятвы, нами данны,
Тогда тебе, герой, мы жертвы принесем;
Тогда твои хвалы во храмах воспоем!»

Вещал — и се, спустясь, царица темнокрыла
Последний гасит луч небесного светила.

Сон сладкий усыпил скорбь томную в сердцах,
И не горит слеза страдальца на очах.
Но вождь не предвкушал сна сладостей отрадных;
Он ведал: трудно град пленить без махин ратных;
Искал окрест лесов, строеньем их опешил
И, всё распорядя, немного опочил.
Но с Фебом восстает для должности печальной,
За колесницею грядет он погребальной.
От стана невдали, утеса при стопах
Унылый кипарис вместил Дудона прах,
И пальма гордая вокруг ветви расширяет;
В тени ее герой по бурях почивает.
Спустили черный гроб, омытый током слез;
Синклит на небеса мольбы свои вознес;
На ветвях в памятник — трофеи вокруг богаты:
Повешены мечи, доспехи, шлемы, латы,
Которые Дудон, сириян, персов страх,
Доселе приобрел в счастливейших боях.
Близ древа щит его с геройским одеяньем;
И дска о нем гласит правдивым надписаньем:
«Здесь в мире спит Дудон... Пришлец, остановись,
Пред прахом сильного смиренно преклонись!»

Исполнив тако долг, печали посвященный,
Друг веры и любви стал паки вождь военный.
Под кровом избранной дружины из полков,
Он древесеков шлет в глубокий мрак лесов.
К дубраве страшной сей, сокрытой за горами,
Сириянин привел их тайными стезями.
Там грозные росли махины против стен,
Там хитрый ум творил Солиме верный плен.
Кипящие в трудах друг друга упреждают,
Дубравы мрачные от их секир стенают;
Там эхо дикое от первых мира дней
Впервые слышит, стук, впервые зрит людей.
Под ярим острием багряного булата
Падет высокий клен и сосна кудревата,
И пальма стройная и томный кипарис;
С гедерой соплетясь, скончался нежный тис.
Пустыни дикая старейшины почтенны,
Огромный древний дуб и кедр превознесенный,
Необоримые для бурей и веков,
Лежат в сырой траве без ветвей и листов.
Там ратники, стеснясь, деревья тянут роем;
Железна гнется ось, скрывают колеса с воем;
Рабочих крик и стон, стук млатов, звон мечей
Женут из дебрей птиц и из пещер зверей.

<1810>

ГОМЕР

ЕДИНОБОРСТВО АЯКСА И ГЕКТОРА

Минерва и Аполлон, согласно желая прекратить кровопролитие между троянами и греками, учреждают единоборство. Гелен, внушенный богами, возбуждает Гектора вызвать на бой храбрейшего из греков. Девять вождей готовы явиться на поприще чести. Нестор советует предоставить избрание жребию. Таким образом, на решительный подвиг судьбою предназначен Аякс, сын Теламона. Ночь прерывает их сражение. Знаменитые единоборцы, по убеждению глашатаев, вестников Зевса, оканчивают битву и расстаются миролюбиво, дав друг другу почетные дары взаимного своего уважения.

Тако вещая, из врат блистательный Гектор исходит;
Брат Александр с ним течет, и сердце обоих пылает
Жаждой решительной брани, жаждою ратного поля.
Как для пловцов, томимых желаньем, мил ветер попутный,
Гость внезапный с небес, когда их роющи море
Руки о весла претерты и мышцы в трудах ослабели, —
Тако приятны герои надежды лишенным троянам!
Начали битву: Парис убил сына Ареитоба,
Арны властителя; юноше имя было Менестий;
Филомедуза его родила прелестная мужу,
Страшному палицей тяжкой; Гектор убил Эйонея;
Медный шлем не закрыл его выи от острия злого;
Главк, Гипполоха отрасль, ликийских дружин предводитель,
Ефинобса копьем поразил в убийственной битве,
Дерия сына во рамо, вскочившего на колесницу:
Ах! с колесницы низверг его долу Главк-победитель!
Видит богиня голубоока Паллада-Минерва,
Сколь великие пали герои мечами аргивян;
Быстро летит она с высоты неприступной Олимпа
Илии к славным стенам; в сретенье Феб лучезарный.
Зрел ее от холма недреманный Пергама защитник.
Бог и богиня стеклись под сению древнего бука.
Первый слово вещал Аполлон, сын великий Зевеса:
«Что виною полета, столь быстрого, с гор светодарных?
Мыслью какой подвигнута дщерь всемогущего бога?
Дать ли победу в сомнительной битве ужасным данаям?
Ах! богиня, для Трои в тебе боле нет сожаленья!..
Но преклонись на совет, изберем, что ратям во благо:
Гибельну брань погасим, расторгнем свирепую сечу;
После, завтра и долго, могут безумные биться,
Меты своей достигая, — доколе кровавая жатва
Сладостна будет богиням — вам, разрушающим Трою!..»
Благоприятно ему отвещает богиня Минерва:

«Тако да будет, далекоразящий! И с чувством сим долу
Я низошла от Олимпа — на поле троян и ахейцев.
Но возвести мне, как хочешь прервать неистовых сечи?» —
Ей отвечает сын Зевса, света податель Аполлон:
«Гектора мы вспламеним, смирителя коней ретивых.
Пусть воззовет сей герой из данаев храбрых героя,
Да предстанут друг с другом одни к решительной битве!
Ведаю: сами преоруженные медию греки
Честью уважат единоборствовать с Гектором славным». —
Тако изрек Аполлон; приемлет богиня Минерва
Слово сердцем согласным; и думы богов совещающих
Дивно, таинственным духом, постиг Гелен, сын Приама.
Шествует к Гектору он и тако герою вещает:
«Гектор, сила народов, Зевесу премудростью близкий,
Хочешь ли брата совет воспринять, любовью рожденный? —
Дай повеленье брань прекратить меж троян и ахейцев.
Сам же ты, выступя, клич сотвори, вещай, да храбрейший
Выйдет из греков с тобой в решительно единоборство!
Не пришел еще рок твой, и гибель тебя не коснется;
Ибо та есть воля богов; я внял их голос бессмертный». —
Вспыхнуло рьяною радостью сердце брата при слове;
Быстро течет он пред ратью, держа копьё посредине;
Нудит он сонмы троян — безмолвные вспять отступают.
Царь Агамемнон подобно ряды отодвинул ахейцев.
Дева ж богиня и серебряным тулом Феб оруженый,
В образе ястребов двух возлетев, воссели на ветвях
Бука высокого, Зевсу-родителю благоугодна,
Ратьми любуясь: блещут недвижны их сонмы густые
Лесом копий, щитами, перистыми шлемами страшны!
Как перед бурей встающей, тихое, зыбляся, море,
Стонет, чернеет оно; глухо дальний слышится ропот —
Тако в притрепетной думе, томясь, трояне и греки,
В поле сидели! — но Гектор, став среди воинств, вещает:
«Чада Трои, внемлите вы, и вы, леполатны данаи!
Слово реку вам, слово покорного истине сердца.
Мирный наш договор не святит восседающий в высоких
Бог, воздымающий новые кары ратям злосчастливым,
Чтобы иль взяли вы Трою, бойницами крепкую грозно,
Иль, пораженцы, бежали вспять на суда мореходны.
Есть между вами, конечно, мужи, храбрейшие в воях;
Есть между ними такой, кто со мной сразиться не дрогнет:
Выступит пусть богатырь в бой с Гектором, славе известным!
Так вещаю, — Зевесу свидетелю нам соприущну:
Если он поразит меня копьем булатограненным,
Пусть, совлачив доспех, понесет к кораблям своим дивным;
Тело же Гектора пусть отдаст в дом родительский, в Трою,
Да освятят его мужи и жены пламени честью!
Если же я убию, и Феб озарит меня славой,
То, восхитя доспех, понесу его в Трою священну,
Дабы повесить во храме стрелометателя Феба!

Падшего ж тело героя предам на корабль велелепный,
Чтоб хвалою почтили его власокудрявые греки;
Холм бы воздвигли ему на крутых берегах Геллеспонта!
Некогда, в дальние веки, муж поколений позднейших,
Мимо по зыбкой светлой равнине плывущий, укажет
Место: «Здесь погребен, — он речет, — храбрейший из греков;
Крепкого единоборца, сразил его Гектор великий!»
С перстом подъятым речет он, и слава моя не увянет!..» —
Рек веледушный герой; безмолвие всех оковало;
Вызов страшатся принять и боле стыдятся отринуть.
Встал наконец Менелай, и, в сердце стеная глубоко,
Пламенный, с силой вещает речь укоризны и срама:
«Горе, о горе! Здесь не ахеяне, — жены ахеян!..
Стыд последний на нас, стыд обрушится тяжкий из тяжких,
Если никто из данаев не выступит с Гектором к бою!..
Будьте все вы, сидящие, — прахом и блата водами,
Чуждые духа и сердца, вечно бесславны, недвижны;
Сам иду на него; и сейчас облакаюсь в доспехи!
В длани бессмертных богов предаю и бой, и победу!» —
Тако рек... и стремится воздеть златокованны латы.
Ах! ожидал тебя рок, Менелай: готовилась гибель
Гектора в мощной руке! Безмерно тебя он сильнейший!..
Но, поднявшись, обстали его все вожди знамениты;
Сам же Атрид Агамемнон, быстро вспрыгнув, повелитель,
Брата десницу схватил и вещал воспретительным гласом:
«Где твой ум, Менелай возлюбленный, — нет! нет тебе пользы
В дерзости рьяной сей. Удержись, потуши пламень сердца!
Ах, не верь самолюбью, не верь, чтобы мог ты бороться
С Гектором, мужем могучим, пред коим все вой трепещут!
Сам Ахиллес — и в силе тебя, и во храбрости высший, —
Встретясь с героем, притрепетен в битве, венчающей честью!
Но удалися на место, воссяди в сонме дружины;
Противоборца ему да взыщут ахивцы другого!
Пусть он бесстрашен и пусть ненасытим в сече кровавой,
Но преклонит колена, надеюсь, если токмо избегнет
Смерти во пламенной брани, в грозно-решительном споре».
Тако вещая, смирил взволнованно сердце героя
Силою правды; сей покорился, и радостны други
Спешно толпятся с рамен совлещи тяжелы доспехи.
Нестор со трона восстал и тако аргивцам вещает:
«Горе, страшное горе постигло ахейскую землю!
Много восплачешь ты, старец Пелей, коней усмиритель,
Правящий мирмидонян, великий в совете и слове!..
Некогда, сладко со мной беседуя он в своем доме,
Тщился уведать о предках и чадах славных ахеян;
Что ж, когда б внял о сих, пред Гектором страхом убитых? —
Верно, воздеал бы он со слезами дрожащие руки
К небу, молящий, да снидет духом в чертоги Аида!..
Если б Зевес, Аполлон и Минерва благоволили
Юность отдать мне, ту юность, как бились на бреге Келада

С сонмами пилов, с аркадцами, метко метавшими копьа,
Реи при твердых стенах, Ярдана при быстрых потоках!..
Первый там был из вождей Эрейталион богоподобный.
Крепкие латы носил он владыки Аиретоба,
Славного Аиретоба, коего мужи и жены
Лепо украшенны воином палицы именовали;
Ибо не лук напрягал он в бою, не копье устремлял он —
Строй враждебны громил булавы размахом железной!
Сила его не взяла, но Ликурга хитрость сразила
В тесном пути, где была для него булава не спасенье!
Мещет Ликург копие — пал тылом воитель на землю;
С гордого сняты доспехи, дар медию блещуща Марса.
После же сам Ликург булавой подвизался во брани;
Но устаревший герой блаженного в недрах семейства
Передал оную милому другу Эрейталиону.
Сей, возгордясь, вызывал на битву воителей храбрых;
Все трепетали, страшились, никто не смел показаться;
Сердце вскипело во мне, уверенность вспыхнула рьяна
Биться с ужасным, — и я был из витязей воинства младший;
Выступил, бился, и славу дала мне Паллада Афина!
Тако сразил я надменность мужа, храбрейшего в воях;
Он, простерт предо мной, лежал громадный сюду и сюду!..
Если б я так же был молод, владетель зрелыя силы,
Гектор тогда б не ждал сопровитника, жаждущий бою!..
Вы же, герои!.. о вы, славнейшие вой из греков!
Стали! — Вы мрачны, недвижны — Гектору в славную встречу!..
Так укоряет их старец... вдруг все восприянули девять!
Первый подвигся владыка народов царь Агамемнон;
Отрасль Тидея за ним, бесстрашный на битвах Диомед;
Оба Аякса здесь, облеченные храбростью рьяной;
Купно Идоменей; потом сотрудник Идоменей,
Мерион ярый, Марсу подобный мужеубийца;
В сонме героев стал Еврипил, честь отца Евемона,
Тоас, Андремонида сын, и ты, Улисс благородный!
Все восхотели они в бой с Гектором выйти почтенным.
Но утоляет их жар умом промыслительным Нестор:
«Жребий решит всех судьбу, и тот, кого боги желают,
Жребий свой восприяв, да возрадует души ахейцев!
О себе же сам ввек да ликует герой, избежавший
В пламенной битве, в битве решительной черныя смерти!..
Старец совета изрек: «Се! каждый свой знак знаменует;
Знаки же все полагают во шлем владыки Атрида».
Рати меж тем, предстоя с подъятыми к небу руками,
Тихо из сердца молитву сию возносили к Зевесу:
«Отче, благоволи, чтоб Аякс, чтобы отрасль Тидея
Или сам бы властитель Микены был наш ратоборец!» —
Тако молили они. В то время божественный Нестор
Жребий исторгнул из шлема, тот самый, который желали, —
Жребий Аякса. Глашатай несет его сюду и сюду,
Кажет его, с десныя начав, всем героям ахеян;

Знака никто не приял, и все, помавая, отверглись;
Как же скоро, обшедый собрание, к тому он склонился,
Свыше который избран богами Аякс знаменитый;
Руку простер он спокойно; глашатай ему предлагает;
Смотрит — знак познает; встрепенулося радостью сердце.
Бросив в восторге его ко стопам, он громко воскликнул:
«Милые други!.. открылся мой жребий! радуюсь сердцем,
Воспламененный! надеюсь: Гектор падет предо мною!..
Вы же потщитесь теперь, когда я в доспех облакаюсь,
Души горящи вознести к властителю смертных и вечных
В теплых безмолвных молитвах, чтоб их враги не слышали...
Или явно гласите, зане никого не страшуся! —
Не обинуюсь, реку: меня сила не сломит враждебна;
Козням не раб я, как неискусный: ибо не тако
Грубым меня воспитали в родных полях Саламины!» —
Витязь изрек; все вожди, вся рать умоляла Зевеса.
Каждый, радушный, длани воздеав, вещал в своем сердце:
«Отче всеильный, всеправляющий с высей Иды, великий,
Дай победу Аяксу, венчай его славою светлой;
Если ж и Гектор любезен тебе и дни его милы —
Равную силу и честь ниспосли любимцам бессмертных!» —
Тако всех говор. Аякс облекся блистательной медью;
Скоро, весь обложен всеоружием тягостно крепким.
Вышел в сонме друзей. Каков предводитель ужасов бранных,
Марс, на землю сходящий по тайному гласу Зевеса,
Да покарает он злобно-надменных, бога забывших, —
Тако явился Аякс велемошный, твердыня ахивян!
Мрачными взглядами вкруг осклабляясь, большими шагами
Шествует важно, грозный, копьё потрясая огромно!
Души греков играли, взирая на доблесть героя! —
Трепет тяжелый протек по костям троян изумленных! —
Гектор сам, ужасаясь, сретал его с сердцем нетвердым;
Но, подавляя боязнь во груди, не смел отступить он
Вспять иль скрыться в рядах, ибо сам вызывал на сраженье. —
Се! приближался Аякс, неся пред собой, как бойницу,
Щит свой огромный, блестящий, который хитро составил
Тихий, художник из всех знаменитый, в Гиле живущий.
Он, отличный усмарь, седьмь толстых кож искусно связавший
От многокровных волов, поверхность одеял железом! —
Крепкой стеной сей закрыв свои перси, сын Теламона
Близко и твердо стал, и рек он Гектору грозное слово:
«Гектор! теперь ты познай на опыте единоборства
Явно, что есть во сонмах данаев вожди знамениты,
Кроме Ахилла, всеразрушителя, льва своим духом! —
Пусть он, упрямый, на корабле, рассекающем море,
Дремлет, злобяся долго противу владыки народов!
Есть между нами, кои готовы на битву с тобою,
Многие!.. К делу приступим, к кровавому делу скорее!..» —
Кротко ответствует в битвах испытанный доблестный Гектор:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, народов правитель,

Не искушай ты меня, как слабого отрока в поле,
Иль как робкую деву, которая браней не зрела! —
Ведаю брани: и много я видел битв и героев;
Знаю свой щит обращать ошую и одесную —
Тяжесть ужасную, с неутомленной силой сражаясь;
Знаю пеший кружиться под песнью жестокой Арея;
Знаю свирепыми править конями в буре сраженья;
Бой начнем!.. Не пошлю я копыя к тебе, храбрый воитель,
Хитро, внезапно! — нет! явно сражу я, если успею!..» —
Рек, — пустил копые, далеко несущее пагубу злую,
С шумом стремясь, оно унзилось во щит седмикожный,
Даже до стали, которая кров осьмый составляет;
Толстых шесть слоев насквозь острие прошло ненасытно,
Но на седьмом утомилось, стало. Соперник взаимно
Кинул могучий Аякс копие далёколетяще
В щит округленный, блистательный, крепкий Приама! —
Страшно!.. Свирепый булат сквозь пронзил и щит сей огромный,
И благолепно украшенны твердые латы героя;
Всё разорвав, коснулся одежды, ближайшия к телу.
Уклонился герой и тем избегнул гибели черной.
Тако, вспять брошенным копыям, оба соперника купно
Сходятся, грозны, пламенны, лвам кровожадным подобны,
Вепрям пустыни подобны, равныя крепости, силы!
Вождь Илиона ударил щита враждебного в сердце;
Меди ж не мог разорвать: острие копыя изогнулось;
Скоро напрунув, Аякс поразил щит Гектора крепкий —
Сквозь железо прошло; троянин в напоре вспять пошатнулся;
Шеи коснулся булат; кровь черная брызнула быстро.
Но не окончил сим боя неутомляемый Гектор;
Вдруг, отступя, он схватил жиловатой, сильной рукою
Камень огромный, кремнистый, близ его в поле лежащий,
Грозным размахом, напрягшись, бросил во щит седмикожный,
В самое сердце щита был удар, — и медь восстонала!
Сын Теламона, не медля, тягчайший камень подьмет;
Силы же все собрав и натужившись в мышцах дебелих,
Вдруг разразил, раздробил весь щит, словно камнем жерновым,
Ранил колена героя: тылом он пал, распростершись
Под поврежденным щитом; но Феб его в миг тот восстановил.
Снова бой — за мечи! — Разразили бы друг друга смертно,
Если б глашатаи, вестники воли Зевса и смертных,
Не притекли, один от троян, а другой от ахеян,
Мужи благоразумны; то были Тилтибий и Идевс.
Се! средь героев восстав, простерли они свои скиптры.
Идевс тако им рек, убеждения мудрого орган:
«Чада любезные! полно! днесь да скончается битва!
Чувствуем сердцем: обоих вас любит Зевс-громовержец! —
Оба искусны, могучи: то знали, теперь сознаемся!
Но наступает ночь, и благо покорствовать нощи!»
Быстро ему отвечаая, воскликнул Аякс, Теламонид:
«Идевс почтенный! реки сие прежде Гектору слово:

Он вызывал всех храбрейших из греков в единоборство;
Он пусть решится; я повинуюсь, коль Гектор восхошет!»
Кротко и важно в ответ ему рек благомыслящий Гектор:
«Сын Теламона! тебе дал Арей и силу, и крепость;
Мудрость тебе даровал, о, копий метатель, первый из греков!
Тако престанем от боя и успокоимся ныне!
После мы ратовать можем паки, доколе бог некий
Нас решит, дав тому иль другому народу победу.
Ночь наступила, и благовременно ей покориться!
Поспеси ты обрадовать рать в кораблях велелепных;
Паче возрадуй друзей томящихся, верных клеветов!
Возвращуся и я во град Приама, сердцу бесценный,
Дабы возрадовать дух и мужей, и жен благочестных:
В теплых молитвах они меня ждут святилиц в притворах!
Но расстанемся ль так? — Нет, мы почтим друг друга дарами,
Чтобы сказали об нас потомки троян и ахейцев:
Грозно сражались они в решительном единоборстве —
Мирно расстались, исполнены дружбы и уваженья». —
Рек — и поднес ему меч; рукоять и ножны его светло
Блещут серебром на ремнях, узорочно и хитро тисненных;
Сын Теламонов вручил ему пурпуром блещущий пояс.

<1824>

УЛИСС У АЛКИНОЙ (Отрывок из Гомеровой Одиссеи)

КНИГА VIII

Поразрушении Трои Улисс, странствующий по морям и тщетно ищущий отечественной своей Итаки, пристает к острову царя Алкиноя, который, не зная, кто он, приемлет его дружественно и учреждает пиршество по законам гостеприимства. В сонме пирующих певец Демодок воспеваает взятие Трои. Такое воспоминание извлекает невольные слезы из очей героя. Алкиной сердечно участвует в его горести.

...И песнопевец,¹ исполненный бога, вещает:
«Уже корабли, благолепно устроены, в море готовы,
И хитрые чада Аргóса, таясь на берегу искривленном,
Пред станом, при соснах горящих, сидят в ожидании томном.
Тогда знаменитый Уллис с избранной дружиной отважных,
Сокрытые в мáхине дивной,² у врат Илиона отверстых,
Решительны, хладны, как смерть, внимают врагов совещанья.
Еще колебался народ: одни предлагали поспешно
Чудовищны ребра пронзить испытующей медью;
Иные воздвигнуть коня на утес — и в бездну низвергнуть;

---

¹ Демодок.

² Деревянный конь.

Иные желали бессмертным принести в благочестную жертву.
Приятно и праведно всем показалось последнее слово.
И се! растворился в стенах Илион — воспринять свою гибель!
Громада, шатаясь, со скрыпом несет разрушение по стогнам!»
Потом воспеваает певец, как греки в желанное время,
Исторгшись из оной, коварством созданной темницы,
Ударили с шумом на стражу, объятую жалкой дремотой;
Трояне, смятенны, постигнуты часом ужасно внезапным,
Как тени, не видят, не внемлют, не сыщут оружий!..
Но рьяный и быстрый Улисс к чертогам Дейфоба стремится,
Арею подобный, свирепый, с подобным себе Менелаем;
Там ярая сеча кипела; мечи об мечи ударялись;
Но скоро, водимый Минервой, Улисс увенчался победой!
Сие воспевал Демодок, вдохновенный певец Алкиноя.
И в сердце Улисса минувшее всё оживилось печально!
Смущенный герой воздыхал, и ланиты покрылись слезами.
Так нежна супруга скорбит о любви своей — милом супруге,
Который погиб пред очами отеческа града и братии,
Погиб, подвизаясь отвести злоключенья годину свирепу
От родины, прежде блаженной, от чад, украшения дома!
Несчастливая видит супруга, как страждет в борении смерти,
К нему приникает, и бьется, и ноет... Но изверги люты,
Как гладные звери, стеклись; от милых останков отторгли...
И се! повлеклася невольница к нүжде и к вечному горю!
Влечется во чуждую землю, к печалям и тяжелой работе!
И прелесть молодая навеки угасла на томных ланитах!
Так, скорбью снедаем, Улисс проливал неотрадные слезы;
Но, мудрый и скромный, таил от беседы он радостной слезы!
Един Алкиной, приседаящий герою, с болезнью их видит;
Чувствительный, нежный владыка стенания странника внемлет,
И, кротости важной исполнь, гласит собеседникам пира:
«Внемлите, феакцов почетные князи и власти!
А ты, Демодок, повели престать бряцающей арфе:
Не к радости арфа твоя, не к радости общей бряцает!
В часы пированья, при сладком пении струн оживленных,
Уныние мрачно на миг не оставило милого гостя.
Снедающа горесть лежит глубоко в его сердце!..
Умолкните, песни! — да чистую радость разделят согласно
И гость, и хозяин: обычай таков на соборище братии!..
Когда ж уготовано всё сановитому мужу, несите,
Представьте дары драгоценны, которыми чтит его дружба!..
Как брат, как родимый, любезен нам всякий странник несчастный,
Любезен он сердцу, не чуждому бога и добрыя веры!..
А ты не скрывайся от нас чрез вымыслы хитросплетенны,
Возлюбленный странник! — Ах! искренность — жизнь и веселье беседы.
Поведай, как звали тебя твой отец, и мать, и братья?
Поведай, где область, где град, восприявший в тебе гражданина?
Не всякий ли смертный имеет надежную собственность — имя!..
Убогий и знатный наследуют имя с рождением,
И мать с улыбкою первой его величает!..

Поведай мне землю, и племя, и счастливый дом воспитанья! —
Тогда совещаем в соборе устроить твоё возвращенье.
Феакцы всегда изобильны в пловцах искушенных;
Известны им нравы различны, обычай, законы народов,
И близость, и дальность градов, и поля благодатны;
И быстро преплывают воды, одеяны бурей и ночью!
Им страх неизвестен в морях, неведома гибель в пучине;
Но некогда, — так прорицал мой отец Навзитóос, —
В ужасное время землями тресущий Посéйдон
Востребует жертв от пловцов, безбедно, без страха,
Так долго сретавших берега отчианы любезной;
Востребует грозно — и море в свирепом волнении
Пожрет феакийский корабль, ухищренно созданный,
И град сей запрет неприступной скалою гранита! —
Так старец прорек знаменитый! — Да будет воля святая
Исполнить сей суд нам или не исполнить во благо!..
Но, странник! немедля открой мне желанную правду;
Где был ты, что видел и что претерпел неповинный?
Цветут ли ещё на земли народы и грады блаженны?
Ах, тяжко услышать, что есть под сияющим Фебом
Доселе вертепы людей, незнакомых ни с верой, ни с правдой!
Обрадуй, ещё ль благоденствуют странноприимцы,
Носящие в сердце любовь и к богам почитанье?
Почто ты плачешь, когда вещают о славных аргивцах?
Почто ты рыдаешь, как песни гремят о судьбе Илиона?..
Погибнуть — таков был совет неминуемый неба!
Под сильную длань бессмертных мы ходим и дышим,
И дивны дела их — уроки позднейшим потомкам!..
Иль — может быть — сродник твой пал под стенами Приама,
Почтенный и добрый, иль зять, или брат твой,
По крови ближайший, единого племени отрасль?
Иль друг, незабвенный, герой благородного сердца?..
Ах, менее ль брата, бесценного брата, любезен
Прямой, несомненный друг, благотворного неба даянье?..»

<1805>

ГИМН ЗЕМЛЕ

Всеобщую мать, Землю, преутвержденную свыше,
Древнейшую, жизнью горних кормилицу, в песнях прославим.
Всем тварям, ходящим на суше, всем вод обитателям хладных,
Всем, кои по воздуху реют, — ты, благоутробная, пищу
Даруешь: все чада, все здравы, богаты, благословенны
Тобою, о мать; тебе дана сила — нетления в чадах
Рождать и гасить в нас дыханье! Стократно блажен, на кого ты
Склоняешь приветливы взоры: повсюду ему преизбыток!
Волнуются нивы его златовидными класами жита;
Стада его пастбища — гордость, а дома обилием блещут;

Страж мудрых законов, он держит суд верный во градах, цветущих
Красою жен милых; вослед его ходит богатство и счастье.
Окрест же толпятся сыны, величаясь доблестью кровной;
Прелестные дщери, резвясь в хороводах игривых,
Волнуют стопами крылатыми светлую зелень долины,
Утешь, весели их всегда, божество благодатное в мире!
О, радуйся, мать богов, ты, звездного неба супруга!
Чего мне просить у тебя? — безмятежная, тихая жизни,
Чтоб дней по кончину я пел и твои, и бессмертных хваленья!

<1826>

ГИМН СОЛНЦУ

О муза, дочь Зевса! вещай славословие светлому Солнцу!
Каллиопа, Солнце восхвалим, которое Эйрифаесса
Родила земле и блаженного неба державному сыну!
Прелестная в горних сестра и супружница Гипериона,
На радость ему даровала детей красоты несказанной:
Зарю — нежнорозовы персты, Луну — серебольняные кудри,
И Солнце, ввек неутомимое, видимый образ бессмертных,
Лиющее свет животворный на воды, на твердь и на небо!
Несется на пламенных кóнях, и ярко горящие очи
Сверкают под шлемом златым — так, как стрелы, лучи, рассыпаясь,
Сливаются в море кипящее; огнерумяны ланиты
Смеются; из уст истекает всемогущая сила творенья;
Божественно тело его облекла непостижная риза,
Прозрачная, кою соткало дыхание нежное ветров;
Во сбрую же коней свиваются бурнопаляющие вихри! —
Он, став на золотой колеснице, багряными правит браздами
И мчится по своду согнутому неба в чертог Океана.
Приветствую, царь благодатный! — из праха тебе я молюся:
Да жизнь мне пошлешь и устроишь приятную, ясную в мире!
Тебя прославляя, прославить потщуся великих тех смертных,
Тех, в подвигах коих нам боги себя показать восхотели!

<1826>

ГИМН ПАНУ

О сыне Меркурия милом поведай мне, Муза,
О том козлоногом, двурогом любителе песней,
Который с лесистого Пинда, дев пляшущих хору
Послушный, нисходит, когда от утесов кремнистых
Его призывают, мохнатого пастбищей бога,
Веселого, коему милы и холмы дубравны,
И горные дебри, и хладные камней вертепы.

Беспечный, он бродит туда и сюда в крутоярах;
То нежится сладко в прохладе реки среброструйной,
То, с скалы на скалу шагая над пропастью, странник
Блуждает, любясь рассеянным стадом в долине;
Нередко преследует ланей по мшистым вершинам,
Нередко он рыщет по холмам, убийца животных,
Ловец дальновидный. Тогда, усладившись охотой,
При праге пещеры сидя, на свирели играет
Он томные песни... Ах, птица весны многоцветной,
Горя с любовью, так не поет заунывно!
Ему припевая, любезноречивые нимфы,
И мило резвяся на бреге муравчатом, пляшут,
И горное эхо на глас их отвечает звучно!
А сам он, кружась и кривляясь средь хора, забавный,
Топочет ногами и плещет руками в лад песней.
Поляна играет под ним, испещренная пышно
Цветами прелестными, злаками трав благовонных.
Хвалы же поют всем бессмертным Олимпа, но паче —
Меркурия славят: подлунному миру полезный,
Он воли всевышних быстрейший для нас благовестник.
Аркадия, водообильная мать стад овчих,
Прияла его на роскошных долинах; там роща
Ему процветает Циленская; тамо, небесный,
Забыв божество, был он стражем коалиного стада,
Служителем смертного мужа... — К чему и бессмертных
Любовь не приводит? — Он страстию таял к Дриопе,
Прекраснейшей деве: родила, прелестная, сына, —
О, чудо! — двурогого, с козьими в шерсти ногами,
Любителя песней, веселого, резвого сына!
Кормилица-мать от страха бежала, увидев
Мохнатое чадо — уродство игривой природы! —
Но принял Меркурий приветно на отчие длани
Рожденье любезной и в сердце своем веселился! —
Мгновенно несется к Олимпу, лелея на персях
Младенца, покрытого мягкой кожей зайца;
Вступив же в обители светлы великого Зевса,
Богам и богиням его показал, восхитились
Бессмертные; более ж всех любовался им Бахус.
Тут Паном его нарекли; ибо всем был приятен.¹
Красуйся, царь-пастырь, и к песням склонись безыскусным.

1826

---

¹ Пан от греческого слова пав, что значит всё.

ГИМН МАРСУ

Могущих вождь, Арей,
В гремящей колеснице,
Златоблестящим шлемом
Венчанный, сечей бог!
Великий щитоносец,
В доспехах меди рдяной,
Хранитель крепкий стен,
Носящий в сильных дланях
Решительную гибель,
Питающий в душе
Горн гнева негасимый, —
Ты вечного Олимпа
Твердыня и оплот,
Метатель копий смертных,
Отец победы светлой,
Защитник правоты,
Враг лести и коварства,
Вождь правых, ужас злобных,
Всех подвигов глава!
Путь огненный свершая
В седмице звезд горящих,¹
Где бурные кони
На третьем своде неба,
Нам в трепетную радость,
Твой шар кровавый мчат.

Услыши моление смертных, помощник, внушающий смелы
Юности благороденной порывы!
Ты, славою дел расширяющий тесные жизни пределы!
Счастья в быстрых приливах, отливах
Дарующий мужество сердцу крушимому, чтобы возмог я
Бедствий наветы с главы незазорной
Прогнать сам собою; чтоб более, ратник юдольный, возмог я
С собственной слабостью, страстью упорной
Бороться; всегда бы сражался с коварными мыслями мечтами,
Гнева слепого с неистовством вредным,
Которое делит меня и с собой, и с умом, и с друзьями,
Самонадеянья с помыслом бедным!
Могущий! подай ты мне смелость, неложная доблести крепость,
Твердо держаться законов отчизны,
Да презрю я, сильный, тиранов угрозы, Фортуны свирепость,
Гордых холодность и злых укоризны!..

<1826>

---

¹ То есть, как планета в числе семи планет, которые известны были древним.

САФО

ГИМН ВЕНЕРЕ ОТ САФЫ

Цветоносная, вечно юная,
Афродита, дочь Зевса вышнего,
Милых хитростей мать грозная!
Не круши мой дух ни печалями,
Ни презрением! —

Но приди ко мне, умоляющей, —
Как и прежде ты страсти робкия
Голос слышала, часто слышала,
И неслась ко мне из блестящего
Дома отчего.

В колеснице (что легче воздуха,
Кою быстрые, красовитые
Мчат воробушки, часто крылами
Ударяючи по золотым зыбям
Неба дальнего)

Низлетала ты — многодарная
И, склоня ко мне свой бессмертный взор,
Вопрошала так, с нежной ласкою:
«Что с тобою, друг? что сгрустилася? —
Что звала меня?»

Что желалось бы сильно, пламенно
Сердцу страстному? — На кого бы я
Излила свой огонь, изловила бы
В сети вечные? — Сафо, кто тебя
Оскорбить дерзнул?

Кто бежал тебя — скоро вслед пойдет;
Кто даров не брал — принесет свои;
Кто любовных мук не испытывал,
Тот узнает их, хоть бы этого
Не искала ты!»

Ах! — И ныне так прииди ко мне,
Отыми, отвеи тягость страшную;
В чем надежды цвет, сладость радостей,
Чем могу я жить, — то исполни ты,
Будь помощница!..

<1826>

К СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБОВНИЦЕ

Равный бессмертным кажется оный
Муж, — пред твоими, дева, очами
Млеющий, близкий, черплющий слухом
Сладкие речи, —

Взором ловящий страсти улыбки!..
Видела это — оцепенела;
Сжалось сердце; в устах неподвижных
Голос прервался! —

Замер язык мой... Быстрый по телу'
Нежному пламень льется рекою;
Света не вижу; взоры померкли;
В слухе стон шумный! —

В поте холодном трепет; ланиты
Былий, иссохших зноем, бледнее;
Кажется, смертью, таю, объята;
Я бездыханна!..

<1826>

ФЕОКРИТ

РЫБАКИ

○ — ○ ○ — ○ || ○ — ○ ○ — ○ ○ — ○

Поверь, Диафан, мне, лишь скудость рождает искусства;
Вина трудолюбья, лишь скудость — прямой наш учитель!
Как скоро заботы вокруг изголовья теснятся,
Тогда мы не верим приятным ласканиям неги! —
Едва на востоке заря молодая забрезжит,
Вдруг строгая нужда даст голос, и сон улетает!

Два рыбаря, старцы, вкушали дар тихия ночи
На хладной соломе, под кровом, из лоз соплетенным,
Склонившись главою на пук из ветвей зеленых;
Вокруг них лежали орудья их жизни печальной:
Ловитва для рыбы — кошницы из гибкия вербы,

Садки для хранения — обманчива пленника вольность;
И верши коварны, горою к стене взгромождены,
Раскинуты сети и невод, еще не готовый,
И длинные лесы, и удочки с пищею смертной,
И верви, и весла, и лодка, увязшая в тине.
С изношенным платьем котомки и ветхие шляпы
Висели на гвóзде — вот всё их наследно именье,
Вот всё их богатство! — ни ложки, ни чаши домашней,
Нет даже собаки, надежного стража ночного.
Не знали соседей: сосед их — единое море,
Которого волны, бушуя, почти досягают
До хижины бедной. Еще, облистание мрака,
Луна не свершила пути своего половины —
Святая работа уже возбуждает, тревожит
Покой рыболовов, — встают, отрясают от веждей
Последние дремы; минута — их глас раздается
По зыбкому берегу. Ах! сладостно утро в работе!

Один из рыбаков

Так! нас обманули, товарищ; сказали, что ночи
Начнут сокращаться, как скоро Зевес соизволит
Нам лето благое послать от горнего свода.
Авроры не видно!.. А сколько я зрел сновидений! —
О, тяжкое время! — Скажи, что ночь запоздала?
Где утро гуляет?..

Другой

Напрасно тоскуем, приятель!
Поверь, времена все текут постоянной стопою!
Вчера неудача на ловле столь скудной и буря
Вскружили твой разум! — спокойся!

Первый

Однако, товарищ!
Ты, знаю, издавна разгадывать сны преискусник. —
Я видел прелестный; от друга его не сокрою:
Мы рыбы делили, разделим с тобой сновиденья!
Ты разум имеешь, а сны толковать — не пустое! —
Теперь же есть время: и море белеет волнами,
И сон удалился. — Почто лежать нам без дела
На хладной соломе?

Другой

Изволь, расскажи мне, что снилось.

Первый

Когда, окончавши работы вечерние, сладко
Усталый, озябший, измокший (да это не горе! —
К чему не привыкнешь?), поужинав плохо, зарылся
В солому, пригрелся, уснул я; и вот, мне казалось,
Что, сидя на берегу, смотрел я; а рыба! — О, чудо! —
Стадами металась, сребрилась она над водою!
За удой кидаюсь (на дереве тамо висела).
Готова и пища, соблазн бессловесная твари.
Послал... ожидаю... Как пес во сне ловит зайцев,
Так рыбу ловил я... дрожит поплавок мой и тонет.
Влеку... вострепелась... Погнулся от тяжести прутик...
Я прут опускаю... Кипела вода предо мною...
Стремлюся руками схватить; но если укусит? —
Что делать? — отважусь... Укусишь — тебя поймаю. —
Так бился я с рыбой! — Весь ужас пропал в ту минуту.
Извлек! — Что ж увидел? — Ах, злато, ах, чистое злато
В траве шевелилось; восторженный, в трепете сердца
Вещаю: «Не ты ли, драгой любимец Нептуна?
Не ты ль, украшенья прелестной дщери Нерея?»
Так точно! — и тихо ее отделяю от уды,
Чтоб не было злато так долго в подданстве железа!
Что был я, не помню; но вот и она засыпает!
Любуясь добычей, клянусь я всеми богами
Оставить работу и в граде навек поселиться,
Блистая богатством и славой, как мира владыки!
Здесь я проснулся! товарищ! — клянись сказать правду!

Другой

Спокойся, что в клятве? без нужды нечестие — клятва!
Товарищ! все рыбы златые — обманчивый призрак!
Теперь ты не сонный: смотри, где играла добыча,
Что есть там?.. О друг мой! не слушай коварных мечтаний!
Куска не дают нам, а кажут нам сны золотые!..

<1807>

ЦИКЛОП

Противу страданий любви, мой друг, не помогут
Ни травы целебны врачей, ни дивные чары;
Противу страданий любви защита нам — музы:
Их помощь приятна, верна, их мета святая! —
Но должно искать их даров! — Ты ими владеешь,
Ты, Ницияс, врач и друг богинь Геликона!

Сказанья гласят: Полифем, Циклоп, прибежал к ним,
Когда он любовью сгорал к молодой Галатее!
Едва на щеках у него пух нежный пробился,
Цвет юности алой угас, и кудри не вьются!
(От горести вянет лице и кудри не вьются!)
Всё скучно, постыло ему. — Печальные овцы
Одни приходили в загон с лугов многоцветных;
Несчастный, склонившись на брег, обросший кустами,
Лил горькие слезы любви к своей Галатее!
И мрачен, и бледен, и сух! — Ах, тяжело в лета молодые
Эротовы стрелы носить в трепещущем сердце!
Ах, тяжело любовь укрывать в груди воспаленной!
Однако обрел Полифем спасительный способ.
На мшистом утесе он пел, взирая на волны:
«Ах! долго ль тебе презирать любовь, Галатея!
Посмотришь — ты кровь с молоком, ягненка нежнее;
Узнай же несчастный тебя — ты горше полыни. —
Ты всходишь на брег, как сон меня посещает;
Уходишь опять, как сон меня оставляет;
Бежишь от меня, как овца от лютого волка!
С тех пор полюбил я тебя, прекрасная дева,
Когда восходила ты к нам на злачные холмы
(И мать моя за тобой) — собирать гиацинты...
С тех пор полюбил я тебя, и сердца не стало!
И сон мой навек убежал!.. Смеешься? — Что, дива?
Тебе моя грусть не беда!.. О милая нимфа,
Я знаю, откуда сие презренье и робость,
Я знаю, противна всем бровь в волосах огустевших,
Одна, вся буграми кругом по лбу распростерта...
Под нею чуть виден мой глаз, единый и впалый;
Широкий и плоский мой нос навис над губами;
Пусть правда... для милых мой вид немного ужасен!
Но где ж, Галатея, стада такие пасутся?
Здесь тысяча крав! — Молока? — пью сколько угодно!
И сыром богат для зимы, на осень, на лето!
Пещера моя — посмотреть — как полная чаша.
Никто не сравнится со мной в игре на свирели!
Утеха холмов и долин, веселие моря,
Тебя величал я на ней, тебя, мою радость!
Тебе состенал по зарям, о бедное сердце!
И поздняя ночь усыпить тоски не умела!..
Приди, Галатея, приди: готово, чем встретить!
Одиннадцать ланей пасу тебе златорогих;
Четыре медведя молодых вкруг грота толкутся!
Спешу, забавляйся, — всё есть — во всем изобилие!
Пусть дикие волны, дробясь, играют с берегами;
Приятна прохладная ночь в пещере со мною!
В ней мирты вокруг по стенам; пред ней кипарисы,
И темно-зеленый плющ, и Вакховы лозы,
Нагнувшись при входе, покров соткали узорный!
Там с Этны лесистой шумят — услада в час зноя —

Сребристые воды, утес крутой опеняя!
Что значит пред жизнью такой и море, и бури!
Но, если кажусь я тебе угрюмым и страшным, —
Что медлить!.. решился! Вот дуб, еще не погасший,
И светлый, дымяся, огонь под пеплом таится:
Скорей... Галатей, скорей!.. Ты сердце уж выжгла —
Ах, выжги и глаз мой, сей глаз — мое всё богатство!..
Почто не рожден я, увы! чешуйчатой рыбой?
Почто не могу рассекать я влажные волны?
Немедля б, с утеса стремглав, и вслед за тобою,
Чтоб руки твои лобызать, и боле — не смел бы!..
Лилей носил бы тебе и мак разноцветный!..
Но... летом лилеи растут, а маки зимою!
Знать, правда, что злая любовь и ум отнимает! —
Забыл, что цветов сих нельзя срывать в одно время!
Но пусть погибаю! — решусь учиться я плавать!
Пусть волны извергнут ко мне на брег мореходца:
Узнаем, что радости жить тебе под водою!
Но прежде обрадуй, явись! — и, если возможно,
Забудь! о, забудь свой дом, как я забываю!
Красавица! станем пасти, доить мы овечек,
Начнем очищать свой сыр от вредныя влаги.
Ах, как непреклонна ко мне грудь матери строгой!
Жестокая хочет, чтоб сын терзался и плакал.
Хоть раз бы замолвить о мне, о страждущем сыне!
А каждый день видит, что я бледнею и сохну!
Пришлось и от матери... ах! таить свое горе!
«Ты болен, мой сын!» — «У меня и руки, и ноги
Болят», — отвечаю, слезясь!.. О, если б узнала
Она, как болит любви покорное сердце!
Несчастный Циклоп! ах, куда девался твой разум?
Когда ты бродил по горам, сплетая корзинки,
Когда ты собирал для ягнят зеленые ветви —
В то время умнее ты был! Опомнись, несчастный!
Сбери хоть овец!.. Что мечтой пленяться далекой?
Пушкай Галатей бежит: есть лучше, другие!
Вокруг тебя резвятся здесь станицы красавиц!
Готовы с тобою играть до поздняя ночи,
И сладко смеются, когда поешь твои песни! —
Спокойся! — есть люди! и нас еще не забудут!» —
Так в песнях Циклоп услаждал мученья любви! —
«Мир, песни, свобода — мои: я всё презираю!»

<1807>

ДРУЗЬЯ

Притек наконец! — вот уж три дня, три ночи в разлуке со мною!
Ах, много и дня одного, чтобы состарётся в разлуке!

Весна по зиме нам приятна, и яблоко слаще орехов;
Богатей волною овца перед агницей новорожденной;
И дева милее вдовы, троекратно супруга терявшей;
Быстрее, живее тельца своенравная серна в долине;
Любезней звучит соловей предо всеми в тенистых дубравах!..
Стократно счастливей я всех, по разлуке тебя лобызая!
Как путник, палящему солнцу, спешит под развесисто древо,
Спешил, окрыленный, к тебе я во сретенье, друг мой сердечный!
Да дышат над нами и в нас благодатные гении дружбы!
Да скажут об нас и потомки святое и доброе слово:
«Здесь были и жили друзья — на урок и веселье соседей!
Сего нарицали: Любим; а другому привет был: Вернейший
(То значили подлинно их имена в языке фессалийском);
Друг друга любили равно и всегда. Без сомненья, то были
Не нашего времени плод; то был плод от веков первобытных,
Где сладостно, нежно до смерти любовь лишь любовью питалась!»
Да будет и ныне сие, милосердый нам отче Кронидес!¹
Да так, не стареясь в любви, перейдем мы в жилища бессмертных,
И некогда — многим векам, преисполнившим светлые круги, —
Пришлец от земли сей унылой на мрачные бреги Аида
Увидит нас там и воскликнет обнявшимся сладко: «Мир с вами!..
И ныне о двух неразлучных — любезная смертных беседа!..
Но в воле блаженных сил горних исполнить душ наших желанье
И в воле отвергнуть его! — Не печалься, о друг мой бесценный!
Тебя воспрославлю, тебя возведу я позднейшим грядущим потомкам,
Поведаю чистую правду, пред правдой небес не краснея!
Так! если когда, ненарочно, мой друг, хотя тень оскорбленья
Я зрел от тебя (да и зрел ли?) — стократной сладчайшею жертвой
Тогда же ты всё заменял — и в тени прояснялось веселье!..
О вы, ухищренные веслами править, о чада Мегары,
Вам слава и почеть! И вас я приветствую днесь, благодарный!
Вы чтили, умели почтить Диоклеса любовь неизменну.
Едва низойдет от небес к нам весна на луга золотоцветны,
Едва облекутся леса в испещренные, светлые ризы, —
Почтенье сзывает всех граждан на гроб Диоклеса священный.
Там юношей хоры кудрявых, там сонмы девиц черновласых;
Над гробом склонившись, растет там пальма золотых поцелуев!
И кто всех страстнее, любезнее милых красавиц целует,
Чьи пламенны вечно уста — все того украшают венцами,
Того с похвалою и песнями к дому лик дев провождает,
Ко матери, коя сретает драгого улыбкой, слезами!
Но много блаженнее всех судия поцелуев сладчайших,
Которому право дано лобызять всех, всех чередою!..
Счастливец завидный целует, и судит, и рядит единый!
Он молит любимца, служащего богу громов, Ганимеда,
Да будут уста у него и приятны, и крепки, и нежны,
Так верны, как камень испытный, которым купец чужеземный,
Достоинство праведно злата узнавший, дает ему цену.

<1815>

---

¹ Юпитер.

МОСХ

АМУР-БЕГЛЕЦ

Амур мой сокрылся, бежал! — Ищите Амура,
Ах! матерней нежной любви отдайте Амура!
(Так с плачем Венера ко всем прохожим взывала.)
Кто видел Амура? — и где, в лесах или в граде?
Он сын мой, единственный сын! — кто скажет о миллом,
В награду тому поцелуй сладчайший Венеры!
А кто приведет беглеца — и больше получит!
Приметы хотите узнать, — о, много их, много!
Амура от всех отличишь по первому взгляду:
Младенец и бел, и румян, и строен, и ловок;
Горящие очи блестят, сверкают, играют,
Ум — ветер, мед — голос, речь — яд чарующей лести.
А в гневе — о, бойтесь — свиреп, неистов, упорен,
И правды не ждите: хитрец, он в шутках ужасен!
Смиренье, беспечность в играх; в душе — самовластье.
Так малы ручонки его — но как он стреляет!
От звездного неба к брегам Коцита стреляет!
Коварный, он весь обнажен, но мысли сокрыты!
Как птичка, туда и сюда летает и скачет,
Красавцев, красавиц, шутя, как розы, меняет;
Посмотришь на лук — ничего; на стрелку — игрушка;
Но лук со стрелою Олимп смущает великий.
На раме Амура висит колчан златояркий,
Исполненный стрел! — Ах! сама я лютость их знаю!
Всё страшно в Амуре, всё! — Но много страшнее
Светильник, от коего Феб, сам Феб воспалился.
Поймаешь Амура — свяжи, не слушай молений!
Заплачет малютка — не верь: стократно обманет!
Смеется, коварный, — держи... целует... — о, бойся! —
Беги... поцелуй — беда, уста ядовиты!
«Пусти меня, — скажет, — возьми за выкуп все стрелки!»
О странник несчастный, брегись даров сих касаться!
Амур есть огонь: все дары огнем напоены!..

<1807>

ЕВРОПА¹

В третий раз петел воспел — восходящей Авроре на небо;
Сон ниспослала Венера царевой дщери Европе;
Милый, чарующий сон, восклоняясь на скрытых ресницах
Девы, лелеял усладою томной прелестное тело;
Вкруг же возглавья теснились пророческих сонмы видений.
В вышних чертогах, в девическом тереме так почивала
Дщерь Агенора младая, невинная в сердце Европа.
Снилось царевне: две части вселенной об ней состязались —
Африка с Азией; в образе важном двух жен велемошных
Та и другая являлась; всё: поступь, одежда — одну отличали
Чуждую; мать — другая; красавицу нежно милуя,
«Я возродила, я воспитала, — мне ею гордиться!» —
Так говорила. Соперница крепко могучей рукою
Деву к себе увлекала. «Судьба так, судьба положила, —
Африка вóпит, — гремящему Зевсу Европа — награда!»
С словом царевна проснулась, воспрянула с мирного ложа
В трепете сердца; видение было так живо, так ясно!..
Долго сидела безмолвная в думе, и обе пред нею
Грозные жены стояли, казалось, при взорах открытых;
Но, укротившейся смуте, с собою сама провещала:
«Кто мне из вышних послал столь ужасные призраки? Сладко
Встретила сон я, спокойная в чувствах; ничто не смущало! —
Вдруг незнакомые гости. — Отколе? — Что значат? — К чему мне?
Как за меня заступилась родная! — О, всё я люблю в ней!
Матерью зрелась нежнейшей!.. и та... как царица почтенна!..
Пламень во взорах!.. О боги!.. да будет сей сон мне не в гибель!..»
Тако мечтая, восстала и, чтобы сомненья рассеять
Сумрак, сзывает подружек любезных и сверстниц по летам,
Знатных, с которыми прежде водила она хороводы,
Вместе купалась в потоке Анавра, игрѣ затевала,
Вместе гуляючи, лилии, розы, сбирала по холмам.
Тотчас слетелись, как птички, к царевне; у каждой корзинка
Для собиранья цветов на руке; снарядились и йдут
В злачные доли помория, где по обычью стекались,
Чтоб услаждаться и роз благовоньем, и рокотом моря;
Вождь и душа всех, Европа имела златую кошницу,
Тонкую, легкую, дивную — труд знаменитый Вулкана,
Кою принес он в дар Ливии, вшедшей на ложе Нептуна;
Ливия редкость сию предоставила Телефаессе,
Дщери прелестной от бога; она же безбрачной Европе,
Как родовое наследье, вручила на вечную память!..²

.....

Девы веселые, резвые, пышного луга достигнув,
Сами цветы красоты, по цветам разбрелися прелестным;

¹ Читатель, конечно, увидит из первых стихов, что вся сия идиллия есть аллегория. Бык Юпитер знаменует силу обилия, которое разделило европейскую торговлю между Азией и Африкою.

² Здесь пропущено несколько стихов, относящихся к корзинке, кои почитаются излишними.

Та любовалась нарциссом, а та с гиацинтом томилась;
С лилией эта мечтала, та тмин собирала без мысли.
Сколько цветов от избытка кидали на землю и мяли!..
Вот все толпой на шафран благовонный — и кто кого прежде —
Кинулись, спорят, толпятся; но важно и тихо Европа,
Резвостей в сонме, склоняясь, щипала рукой белоснежной
Розы единые токмо — среди граций царица Венера!
Ах! ненадолго цветами ей, деве молодой, утешаться!
Нет! — не всегда рай невинности счастливой зреет для смертных!
Рано иль поздно, прости, рай наш милый!.. Се! — Громометатель
Деву-царевну увидел, и сам возмутился, сраженный
Внука стрелами!.. Амур и Венера державным владеют.
Сила любви всемогущей! что есть для тебя недоступно!..
Зевс, восхотев уловить непорочное сердце прелестной,
Зная же нужду скрываться от гнева ревнивой Юноны,
Вымыслил странность — сокрыл божество в новый образ; и кто же? —
Бык!.. Так в быка превратился Юпитер, — нет! нет! — не такого,
Как мы их видим при стойлах, — отнюдь не такого, какие
Глыбы земли рассекают, влача искривленное рало;
Не был подобен он тем, что во стаде обычном пасутся,
Кои в домашнем быту, отягченные, возят телеги;
Тело его всё одеяно млечною, нежною шерстью;
Светоблистающий круг на челе отражался звездой;
Очи сверкали огнёвые в томности неги любовной;
Ровно друг с другом рога небольшие над лбом возвышались,
Дугообразные, сходные с сребряным месяца рогом, —
Так он явился в долине и не испугался красавиц,
Окрест ходящих; отнюдь не дичился, свободный и смирный.
Все подходили к нему, все ласкали и гладили нежно
Гостя, для них дорогого: чудесный телец! — и дышал он
Благоуханьем, сладчайшим, чем злачного луга дыханье!
Вот становится тихо пред взором прелестной Европы,
Лижет и белые руки, и рамо ласкающей девы;
Гладит его неповинная; нежно от уст отирая
Влагу ширинкою тонкой, лобзает быка молодого.
Вот он и голос свой издал — мычание томное! — Мнится,
Слышишь ты звуки свирели, сквозь лес разносимые ветром;
Вот на колени он падает, очи возводит к Европе,
Шею сгибает назад, показуя хребет свой покорный.
Резвая радостно дева вызывает к игривым подругам:
«Сверстницы, милы подружки! — сюда! поскорей, на веселье!
Видите: можно нам всем уместиться — как лодка пред нами!
Вежливый! как он улегся! — голубчик! как ласков! — такого
Отроду я не видала! — в нем ум человеческий, смотрите,
Как он обходится с нами! — жаль, языка нет! — но взоры —
Слову замена!» — Сказав, на хребет, улыбаясь, вскочила;
Все прибежали, все метят за нею... и вдруг он — о чудо!..
Вспрыгнул бык-вихорь, с добычей несется, и к морю несется,
Непостижимый!.. власам распущенным, трепещуща, бледна,
Кличет подружек, главу обративши и длани простерши,

Кличет напрасно!.. никто ей вослед не возмог и не смел течь!
Он же, чудесный, со берега низринувшись в воды, стремится,
Жителю моря, дельфину, подобный, клубит, роя волны!
Новое диво! — Нерейды из бездны восстали и чином,
Разнообразно согласным, на рыбах сидя благовейно,
Вслед провожали быка! — И се! тяжело трясуший трезубцем,
Сам Посейдон возникает главой убеленной; властитель
Скиптром простертым путь моря ровняет для мощного брата,
Шествует важно — веселый; вокруг спутники бога, Тритоны,
Раковин трубы надувши, гремят Гименеевы песни! —
Дщерь же царева, сидя на мохнатом хребте громовержца,
В страхе одною рукою схватилась за рог, а другою
Складки багряной одежды держала, чтобы ей воскрайи
Не омочить убегающей сланого моря волною. —
Легкий покров, со груди и рамен совлеченный стремленьем,
Как в корабле, образуется парусом, ветер ловящим.
Скоро исчезли и бреги, и горы: вкруг небо и море!
Бездна безбрежная!.. Смотрит — не видит!.. И вырвалось слово:
«Кто ты, творенье чудесное? — Кто ты? — Куда увлекаюсь?
Кто ты, в стихии, тебе воспрещенной, столь вольный и сильный?
Где я? Куда преношуся? Божественный! путь мой поведай!
С трепетом вижу, предчувствую: воздух, и море, и суша —
Путь тебе ровный, как путь в легковерное смертного сердце!..
Дева злосчастливая! ах! для чего покидала я ныне
Терем родительский? — Берег коварный, почто восприял ты
Столько опасного зверя? — О, жребий внезапный, ужасный!
Ты, управляющим влажными бездны глубокой стезями,
Будь покровитель, Нептун, мне, несчастной!..
Так! кто бы он ни был,
Да сотворится вождем для меня он спасительным! — Верю:
Бог здесь присутствует мощный; без бога давно б я погибла!»
Тако взывала, и рек утешительно ей лепорогий:
«Юная дева, покойся: и море, и небо, и суша —
Всё мне подвластно; и всё красоту охраняет и любит!
Скоро приблизимся к твердому берегу: Крит, остров священный,
В недро тебя восприимет он благоговейно, — и там ты
Жребий познаешь свой; тамо предстану тебе я... Юпитер!»

<1826>

БИОН

УЧЕНЫЕ

Зрел Венеру я во сне:
Белоснежною рукою
Матерь привела с собою
Юное дитя ко мне;
Бог упрямылся, дичился,
Был неловок, груб, несмел,
Будто бы людей страшился,
И смотреть он не умел.
«Пастушок! — Богиня-Сладость
Молвит с ласковым лицом, —
Вот мой сын! вот наша радость,
Сделай ты его певцом!» —
Так сказала, — и не стало...
Как мне в голову не вспало,
Что Амура нам учить —
Пламень пламенем гасить!..
Что же делать? — За ученье!
Ничего я не таю!
Пастухов увеселенье,
Панову свирель пою;
Флейту мудрая Паллады,
Аполлоновы отрады:
Светлый хор его жрецов,
Лиру вестника богов...
Всё пустое!.. Он не слышит,
И ничто на ум нейдет;
Страстно, сладостно он дышит,
Про любовь одну поет.
Что же сделалось с тобою,
Что с холодною душою?..
Ах, несчастный, всё забыл,
Чем с Амуром занимался,
Только с тем одним остался,
Что Амур мне натвердил.

<1807>

ПЛАЧ ОБ АДОНИСЕ

Восплачем! Адониса нет! погиб несравненный Адонис!
Прекрасный Адонис погиб: рыдайте, стенайте, эроты!
С багряного ложа восстань, остави свой сон, о Венера!
В печаль и тоску одлекись, власов не свивай благовонных;
Терзающа перси, вещай: погиб мой прекрасный Адонис!

Восплачем! Адониса нет! — рыдайте, рыдайте, амуры!
Се, отрок прелестный лежит, простертый на холме высоком;
Богини прелестныя скорбь! — в бедро пораженный свирепо,
Чуть дух переводит, и кровь, багряная кровь истекает
По белому телу из ран, и светлые очи потухли,
И замерли розы ланит; и розы в устах побледнели.
Угасла та прелесть, краса, которой дышала Венера,
Которой питалась любовь! — О, прелесть и в мертвом живая!
Так! — милый Адонис угас; не слышит ее лобызаний!

Восплачем! Адониса нет; ах, плачьте, младые эроты!
Ужасна, ужасна его от вепря приятая рана;
Но рана страшнее стократ, кипящая в сердце Венеры!
О зрелище скорби и слез! Здесь псы его томные воют!
Там нимфы рыдают; вокруг стон! Там — образ печали, богиня,
Власы распустивши, одна, блуждает в мгле ропщущей рощи,
Блуждает унылая тень босыми стопами, и терны
Грядущей, стужая, пьют священную кровь дерзновенно.
Далеко, тоскуя, стена, зефиры разносят моления
Просящей от гор, от долин любезного сердцу супруга.
А он!.. приступите, друзья, текущую жизнь удержите,
Уймите багряную жизнь!.. Всё тщетно, и перси упали!
И весь охладел, недвижим!.. Ловите последние вздохи!..
Богиня страдает, и с ней младые страдают эроты!
Прекрасного друга лишась, казалось, красот всех лишилась;
Так! — прелесть Венера жила, доколе жил милый Адонис!
Адонис угаснул для ней — угасла и прелесть Венеры!
И горы, и скалы, и бор шумят и зывают: Адонис!
И с рокотом реки, влачась, стенания вторят Венеры!..
И тройные токи, с высот свергаясь, воют: Адонис!
Поблекли, склонились цветы, закутав главы в свои листья.
По холмам, по градам, окрест — Венеры разносятся вопли:
«Ах, что мне Олимп и земля! — погиб мой прекрасный Адонис!»
И эхо в вертепах гласит: «Погиб наш прекрасный Адонис!»
И кто не состраждет из вас? И кто не восплачет о несчастной?
Узрела, узнала она смертельную милого рану.
Объятыя простерши к нему, вопила: «Пожди, о Адонис!
Пожди, мой бесценный, мой друг, дабы я в последний прижалась,
Тебя обняла бы хоть раз, уста бы к устам приложила!
На миг пробудися один! — Дай миг одному поцелую!
Дай жизни мне столько своей, сколь жизнь лишь долга поцелуя,
Доколе, лобзаемый мной ты в сердце и в тело — ты весь мой, —
В меня преселишься, доколь всю страсть твою сладкую выпью,

Все чувства твои приму! — Так! — Сей поцелуй — он бессмертен,
Как я, как любовь, как ты сам, несчастный, бегущий Адонис!..
Далеко бежишь от меня, бежишь ты, о друг, к Ахеронту;
К царице безгласных тьмы!.. и я не могу за тобою!..
Заветные мраки грозят, и делит нас вечность немая!..

Вот он, Прозерпина, сретай! гордися прелестной корыстью!
На брань вызывай весь Олимп, любезное нам похищая!
Свирепствуй, но знай: сей тоской тебя я блаженней стократно!
Любви ты не ведала ввек; завидуй любви страданьям!..
Где, несравненный, где ты? — Где радость? — Как сон, отлетела!
Венера-богиня — вдова; сиротствуют с нею амуры!
Чарующий пояс погиб!.. Почто предавался ты ловле?
Красавец небесный, почто со зверем стал в ярую битву?» —
Так стонет богиня любви; так ей состенают амуры.

Крушишь, злополучна любовь! — погиб твой прекрасный Адонис!
Колико он крови излил, толико ты слез пролила,
Венера! — и слезы, и кровь земля во цветах оживила:
Из крови — багряный возник, из слез — анемон белоснежный.

Восплачем! Адониса нет! погиб наш прекрасный Адонис!
Остави тоскующий лес, тоскующи горы, Венера!
Уже уготован и одр — ах! смертный сей одр Адониса.
На ложе почиет твоим бесчувственный, хладный Адонис!
Умерший... прекрасный мертвец! — как спящий сном сладким любезен!
И те же одежды на нем, в которых к тебе приближался,
В которых он ночи с тобой один проводил безвозвратны.
Утехи свои оживи, помысли, что жив твой Адонис;
Цветами осыпь, увенчай роз вязями благоуханных!
На что и цветы? — Как им жить, когда не живет наш Адонис!
Осыпь его миртой, облей струями чистейшего мира!
Где миро? — Ах, миро твое погибло! — оно — твой Адонис!
Се! радость, краса пастухов — лежит под златой пеленою!
Окрест его плачут, в слезах, тоскуют малютки-эроты.
Обрезала Скорбь им власы. Смутились: тот стрелы ломает,
Сей топчет лук гибкий, а тот терзает колчан драгоценный;
Сандалии съемлют одни, другие в сосуде блестящем
Священную воду несут и рану его омывают;
Все веют крылами, теснясь, дабы прохладить Адониса.
Оплачьте Венеру, друзья, оплачьте вы мать, эроты!
На праге чертога, восстав, задул Гименей свой светильник!
И, брачный венец разорвав, воскликнул он: «Нет Гименя!»
Не песни веселые вам, — но песни для вас гробовые!
Оплачьте Адониса все, оплачьте вы брачного бога!
О, рок неисследимый! — как? — Адонис — и он умереть мог!..
«Он умер», — шептали вдали таящие слезы хариты!
Печальные музы стеклись, обстали Адониса ложе;
Не пойте, не стройте вы лир: ах! песней не слышит Адонис!
Вам внемлют земля и моря — не ведает вас Прозерпина!..

<1826>

ТИРТЕЙ

ОДЫ

I

Не тот достоин вечной славы,
Не тот наследник громких хвал,
Кто первым был в кругу забавы,
В потешных играх побеждал.

Пусть силой, крепостью телесной
Он диво — богатырь в рядах;
Пусть быстротою стоп чудесной
Он ветры упреждал в полях;

Пусть прелестью лица и станом
В Титоне зависть возродил;
Пелопса превышая саном,
Мидаса златом удивил;

Пусть он, вития средь совета,
В речах Адраста посрамлял:
Владелец всех сокровищ света
Велик, — но пред героем мал!..

Он мал, когда не пламенеет
Завидной страстью встретить смерть,
В глаза врагу смотреть не смеет
И не спешит злодея стерть!

Он мал!.. Ты, доблесть, к вышним вера,
К отчизне пламенна любовь, —
Едина ты величий мера!
Ты кровь Алкида — наша кровь!

Герой в ряду дружины ратной,
Трясущий грозно копие, —
Се! дар от неба благодатный!
Се, Спарта, счастье твое!

Стоит! Он бегство презирает,
Забыв о жизни, помнит честь;
В кипящем сердце вопрошает:
«Где страх? Куда погибель несть?»

«Сюда! — зовет друзей-героев. —
Сюда! — нам стыдно ран не знать!

Пойдем!» Врубились в недра строев —
И всколебалась смутна рать!

Бегут враги, — он вслед, как пламень;
Он правит вихрем битв, как бог;
На замысл — быстр, а в буре — камень,
Равно в удаче, трате строг;

Он кончит жизнь в пылу сраженья,
Среди смятенных страхом сил!..
Погиб, — и над страной рожденья
Блеск новой славы воспалил!

Доспехи, кровию покрыты,
Меча останок сжавша длань,
Копье без древа, щит избитый,
Грудь в ранах — вот отчизне дань!

Повсюду слезы, стон, смущенье;
Собор старейшин и мужей
Его свершают погребенье;
Повсюду вопль: пал друг людей!

Вовек свята его могила,
И род его цветет в честях;
Героя имя — рати сила!
Героя память — чуждых страх!

Он умер; — нет! — всяк видит, слышит
Его, как бога, пред собой;
Всё вокруг него бессмертьем дышит;
Всё полно дел его хвалой!

Но если, покровен богами,
Не пораженный брани сын,
Ее кровавыми стезями
Пройдет, победы властелин,

И лавры со цветами мира
Рассыплет на родимый град, —
О, где его достойна лира?
Где мера почестей, наград?..

Совета муж среди собраний,
Вождь, судия, супруг, отец,
Душа благих предначинаний,
Любовь признательных сердец;

Грядет — все старца окружают;
Всяк ищет взорами его,

Ему все место уступают;
Он радость пиршества всего!

Кто здесь, кто доблести ревнует?
Кто хочет славы и венцов?
На брань! туда, где смерть бушует,
Спеши, лети, рази врагов!..

II

Отколе нега, сон? — Когда
Явим лице врагам?..
Бегите, скройтесь от стыда:
Смеется ближний вам!

Вы миром льстились на земли!..
О братья! зрите вокруг:
Война! война! — шумит вдали
Опустошенья дух!

К мечам, друзья! — щиты вперед
Против свистящих стрел!
Без мести храбрый не умрет!
Смерть храбрым не предел!

Какая слава, радость, честь
За жен, за милых чад
На брань кипяще сердце несть
И погибать стократ!

Коль парки осудили нас,
Падем в кровавый прах!..
Возвысим меч в последний раз:
То будет мести взмах!

Да воспылает под щитом
Отвагой ратна грудь;
Упейтесь пылкости вином,
Означьте карой путь!

Что в страхе? — Данной мне судьбой
Черты не перейду!
От племени богов герой
Падет в свою чреду!

Как часто робкий, битв боясь,
Не слышав свиста стрел,
На миртах встретил грозный час,
Когда забавы пел!

Он умер! — не понес к отцам
Любви и слез людей, —
Чем был он *здесь*, не скажет *там*!
Там нет ему друзей!

Великий пал! — о, благ залог!
О смерть, отдай его!
Он слава наша! он наш бог
В дни века своего!

Героев многих многий труд
Один он совершил;
В час бури дал совет и суд,
Вождем и кровом был!

III

Не вы ль, потомки Геркулеса,
Побед любимые сыны?
Над вами взор и длань Зевеса;
Вам отдан жребий злой войны!

Что вас, герои, устрашает?
Презренны скопища врагов?
К щитам! — туда, где брань пылает,
Стремитесь в славный путь отцов!

Иль мир приятней вам постыдный,
Милее рабство в лоне нег?
Нет! — воин знает дальновидный,
Что смерть надежней, чем побег!

Вспомним, что мы потеряли
Тогда, как грудию одной
Пошли, сразились, бои венчали
И славу принесли домой?

Так! робкий лишь при первом шаге
Теряет силы, крепость вдруг,
Вредит соратника отваге,
Смущает храбрых тесный круг!

О, срам! — вид жалкий и презренный!
Влачась во прахе и стена,
Он кажет меч, в хребет вонзенный,
И молит смерть: убей меня!..

Он поражен в бегу обратном...
Ах! так ли действует герой?

Не быстр, не хладен в деле ратном,
Живущий славою одной,

Идет бесстрашною стопою!
Покрыты грудь и рамена
Щитом огромным, как стеною;
Душа отечеством полна.

Идет, противных соглядает,
И верен стрел его полет:
Пернатый шлем его сияет,
Как знамя гордое побед!

Учитель ваш на бурном поле,
Он водит за собою рать;
И где опасность битвы боле,
Его не нужно там искать.

Не ждет врагов, он их сретает,
Не спросит тайно, сколько сил;
Когда отечество взывает —
Пришел, увидел, победил!

Смешались строи — первый в сече,
Рука с рукой — со грудью грудь;
Могущ, бесстрашен, быстротечен,
Творит себе из трупов путь!

То стрелы от него стремятся,
То поражает он мечом;
Враги и там, и здесь толпятся;
Он к ним, как смерть, всегда лицом.

И ты, дружина легких воев,
Наш подвиг славный разделяй;
Несись, как вихрь, пред рядом строев
И камни градом рассевай!

Герои! Марса сонм крылатый!
Се! время копья испытать!
О крепкие лишь токмо латы
Копья не жалко изломать!

IV

Почтим великого в мужах,
Кто, меч подъяв, идет
На брань за братий, — злобных страх,
Друзьям отчизны — свет!

Он подал глас, но трус бежит
Родительских полей,
Увы! — для хлеба жизнь влачит
У чуждых он дверей!

Отец и мать влекутся вслед,
И дряхлость, и недуг;
Жена, невинна жертва бед,
И малы чада вокруг!

Презреньем встретит каждый взгляд
Его в пути скорбей;
Всяк молча оттолкнет назад
Просящего снедей!

До времени и слаб, и стар,
Живой в семье мертвец,
Что детям он готовит в дар?
Отчаянный конец!

Так в мрачных бедствия путях,
От всех людей забыт,
Он всё погубит, всё и — ах! —
Погубит самый стыд!..

Друзья! страстям, порокам — брань!
Гоните праздность, лесть!
Вся храбрых жизнь — отчизне дань!
Им пища — благо, честь!

Труды, походы, мраз и глад —
То ратника врачи!
Терпенье крепче медных врат,
Острее, чем мечи!

Коль виден страх — не верь глазам,
Коснись его копьем!..
Но час настал, желанный нам!
Бесстрашные, пойдем!

Как! старцам ли седым
На трепетных жезлах
Прилично биться здесь одним,
А нам сидеть в стенах?

О, стыд! — старик, лишенный сил,
Досель гроза врагов,
Рукой иссохшей меч схватил
В очах своих сынов, —

Разит, падет!.. Когда в пыли
Героя кровь кипит,
Тогда младый, дрожа вдали,
Окаменел стоит!

Герой, кончая смертью брань,
Детей напрасно ждет;
Вздыхнув, оледеневшу длань
К священной ране жмет. —

Какое зрелище! — о, срам!
Я отвращаю взор. —
О юноши! спешите, вам
Наука — сей позор!

Коснитесь старца льняных влас!
Обеты правоте! —
Греми, святые клятвы глас:
«Иль щит, иль на щите!..»

Вперед железною стеной!
Вперед, друзья побед!..
Отчизне — слава и покой!
Отчизне — вечность лет!

<1805>

ГОРАЦИЙ

К ПИРРЕ

(К. I, О. 5)¹

Кто сей красавец, на розах с тобою
Нежась, играет, облит благовоньем,
В тайном сумраке грота? —

Алые персты твои расплетают
Шелкову косу на радость счастливца:
Волны струйчата злата

---

¹ К — книга, О — ода. Сокращения Мерзлякова. — *Ред.*

Пали роскошно на лилии персей,
Вья на рамо; рука в руку; тают
Негой страстною очи;

Сладостный шепот, и томные вздохи,
И лобызанья!.. О, жалкий счастливец!
Скоро, скоро оплачет

Клятвы и верность и, призванны лестью,
Горние силы в поруки обетов! —
Бурный плаватель бездны,

Быстро застигнут внезапным ненастьем,
Скажет он поздно ужасную правду:
«Ах! не верить бы морю!

Страстным бы Пирры не верить улыбкам,
Льстивым вздыханьям коварного ветра!..
Ныне любезен; завтра

Ласки другому!..» Ах! горе, кто Пирру
Новый увидит! — На дске сей заветной¹
Вижу я в поученье:

Стрелы, и светоч, и лук, и повязку,
Горестны знаки златых обольщений!
Там написаны в память

Смехи и слезы, надежды и страхи,
Купленны горем веселия тени;
Там сплелися руками,

Вдаль друг от друга отклоншие взоры,
Строгая клятва и с ней преступленье!..
Всё тебе возвращаю,

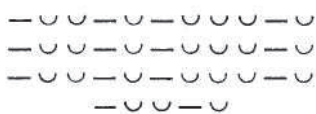
Бог легкокрылый! Мне роци Парнаса,
Мне улыбнулись! Мне веет радость
С лиры звучныя Феба.

<1826>

---

¹ Римляне обыкновенно в память какого-нибудь печального или радостного происшествия, с ними случившегося, вешали на стене картину, на которой оное изображалось.

К ФУСКУ
(К. I, О. 22)

Правому в жизни, чуждому порока,
Фускус, ненужны лук, железо мавров;
Полные тулы стрел, преднапоенных
Ядом, ненужны!

Хочет ли Сиртов плавать чрез пучины,
Хочет ли Кавказ негостеприимный,
Бреги ль изведать, кои пресловутый
Гидасп лелеет.

Тако в Сабинах (где я, воспевая
Лилу, в лес чуждый, странник, углубился)
Волк, меня встретив, дрогнул, и промчался
Пред безоружным!

Зверь преужасный! — Дафния подобных
Ратная в дебрях не питает мрачных,
Юбы владенье, знойная не водит
Тигров отчизна.

Брось меня случай в тундры ледяные,
Где зефир летний жизнь не дышит,
В тучах зловредных землю буреносный
Юпитер давит;

Брось под огнями рдяной колесницы
Солнца — в пустынях, смертному безвестных:
Лила мне радость; радость — Лилы слово;
Радость — улыбка.

<1826>

ОБРАЩЕНИЕ
(К. I, О. 34)

Богов беспечный чтитель, хладный
Раб суемудрия, раб буйственной мечты,
Блуждал я, странник безотрадный,
В пучине бурных волн земная суеты. —
Теперь свой парус пременяю;

Теперь спешу я вспять по дознанным следам;
Теперь тебя ищу, — желаю,
О неба луч благий, спасение пловцам!..
Я зрел ужасное виденье!
Я зрел: сам бог-отец вдруг пламенным мечом
Рассек эфира облаченье.
И, тучи разделив, блистательным путем
На огнердяной колеснице
Мчал яростных коней, дымящихся враждой. —
Фиал суда в его деснице.
Протек — и возгремел средь ясности грозой —
И восстенала вкруг вселенна:
И грубая земля, и все собранья вод,
И Стикс, и Тенара смущенна
Обитель мрачная — неправедных исход,
И сердце гор — основной камень —
Всё трепет вкруг объял, и в трепете всё ждет!..
Всевышний, неприступный пламень
Меж небом и землей превыше бурь течет
И след на тучах оставляет —
Отрадную дугу, в урок земных детей...
Так! так! — Он миром управляет,
И царь, и судия! — строитель дивный сей,
Единый действует и может!
Величие царей, все мира красоты
Восхощет — вознесет; восхощет — уничтожит,
Его раба, Фортуна, ты!..

<1826>

К ДЕЛИЮ (К. II, О. 3)

О Делий! ты умрешь!.. Умей и веселиться
В минуты радости своей
И, жизни на пути влачась, не оступиться,
О бедный труженик, умей!
Текут ли дни твои забот и бед стезями,
Или, счастливец, ты живешь
В чертогах роскоши, с любовью, играми,
О Делий, Делий! ты умрешь!..
Где сосна гордая и тополь серебристый
Сплели, как давние друзья,
Гостеприимну сень в тени ветвей волнистой,
Где быстропенная струя
Пробраться силится искривленной стезею —
Туда носи вино, собрат,
И розы, утренней омытые росой,

И благовонный аромат.
 Туда носи восторг, туда собирай веселья,
 Доколь мы в силах и летах,
 Доколь прядется нить предвестниц новоселья,
 Угрюмых сестр в руках!
 Не вечно в закупных нам дачах забавляться:
 И дом, и благодатна весь,
 Вкруг коей любит Тибр зеленый извиваться, —
 Всё, всё покинешь здесь.
 Смотри, как жадные, но скрытны мечет взгляды
 Наследник твой, сей хитрый льстец,
 На возвышенные домов твоих громады:
 Не ты ему — твой мил конец!
 Всё должен ты отдать, востребован судьбиной!
 Будь сын царей, как Крез, богат,
 Будь нищий, без куска, бездомный — всё едино:
 Возьмет неумолимый ад!..
 Туда всё нудит нас, туда стезей прямою
 Влечемся мы, стада овнов!
 Всемощная сидит над урной роковою,
 И взор вперен в поток часов!
 И смерть коварная, сей гладный соглядатай,
 Стоит незримо на пирах:
 Сегодня ль, завтра ли, тебе иль мне, — вожатай,
 И ждет нас лодка при берегах!..

<1826>

К ЛИЦИНИЮ (К. II, О.10)

— о о — о || о о — о — о
 — о о — о || о о — о — о
 — о о — о || о о — о — о
 — о о — о

Счастливей будешь, не вверяясь дальним
 Моря пучинам, посреди же бури,
 Страж себе строгий, не теснясь робко
 К хитрому берегу.

Кто золотую Средственность возлюбит,
 Бедности чуждый, не потерпит смрада
 В хижине скудной, не живет в завидных,
 Скромный, чертогах.

Чаще ветер ярый низвергает долу
 Дубы огромны; жесточайшей карой
 Рухнут бойницы; пламень молний вьется
 К высям нагорным.

В горе надежду, боязливость в счастье
Носит, в пренах искушенно света,
Сердце благое. Насылает зимы
Юпитер; — он же

Гонит их в север. Огорченье — ныне;
Завтра — отрада! Молчаливу Музу
Арфа разбудит; — Феб всегда ль в погибель
Лук напрягает?..

Нужда ли давит — ты, бесстрашный духом,
Ратник, мужайся; изучись разумно
Стягивать в ветер, слишком благосклонный,
Дмящийся парус!..

<1826>

К НАДМЕННОМУ БОГАЧУ (К. II, О.18)

Ни костью дорогой, ни златом
Не блещет храмив свод простой
В моем жилище небогатом,
Где я душе обрел покой;
Ни славны мраморы Гимета
Высоких не тягчат столбов,
Иссеченных на диво света
Резцом ливийских хитрецов;
Атталу древнему роднею
Себя причесть я не дерзал;
Гордец, безвестностью своею
Дворцов царей не посрамлял;
Клиентов дщери именитых
Мне тканей нежных не прядут,
Червцом Лаконии омытых;
Но рок мне дал ум, здравый суд
И дар, любимый Аполлоном.
Корысть благая! — Мой венец!..
Для ней и к бедному с поклоном
Ко мне идет богатый льстец!
О чем еще стужать мне боле
Богам превыспренним мольбой?
В моем сабинском малом поле,
Богат, доволен сам собой,
Стыжусь могущего я друга
Нескромной просьбой утруждать!
Спокойство, сладости досуга!
Что может вас мне заменять?

Смотри, стяжатель!.. над землею
День днем стирается другим!
Любуясь радости зарею,
Вдруг зрим костра могильный дым!
Теперь Фортуну ловим злую,
Чтоб завтра же о ней тужить!
А ты... и землю гробовую,
Слепой, хлопчешь набутить
Богатством мраморов привозных;
Забыв могилу, строишь дом!
И море, в треволненьях грозных,
Ты хочешь отягчить ярмом
И дале прешь его берегами,
Несытый сушей, островами!..
Но так и быть!.. Скажи, как смел
Ступить ногою дерзновенной
Через термин¹ ближнего священный
Клиента своего в предел,
На хлеб его насущный жадный!..
Влекутся, изгнанны тобой,
Супруг, супруга безотрады
В леса из хижины родной,
Пенатов отческих износят
И вretiщем повитых чад!..
Малютки плачем пища просят!..
Но дом, твой дом надежный — ад!
Корысть ли — бедных пепелище!
Вельможе алчному не здесь,
Нет, Оркуса несыта весь —
Определенное жилище...
Куда ты залетел в мечтах?
Земля, которой все мы пища,
Разверзнется равно для нища
И для блестящего в венцах!
Плутона вестовой² на злато
Желательных не клонит глаз;
Ах! от него — и ум крылатый
Тебя, Япетов сын, не спас?
Он гордость Тантала высокоу,
Он оковал Танталов род!..
Гроза надменному пороку,
Награда правых и сирот —
Снять с бедного тяжело бремя
Трудов, напастей и скорбей, —
Незванный, званный в благо время
Друг-утешитель — у дверей.

<1815>

---

¹ Граница, грань.

² Смерть.

К ЛОЛЛИЮ
(К. IV, О. 9)

Ты мнишь: погибнет то, что я пел досель,
Питомец дальнотумного Авфида,¹
Искусством неведомым первый
Речь сочетавший со звуком арфы!

Пускай, великий, высшее место всех
Гомер заемлет; скрылись ли Пиндара,
Алцея, Симонида грозны
И Стезихора благие музы?

И сладкомилых Анакреона грез
Не крадет время. — Дышит любовь еще,
Живет и дышит влиянный огонь
В лиру эольския девы вечно!..

Одна ль Елена лепокудрявых влас
Познала прелесть? — Златопылающей
Одеждой и славой фригийца,
Спутников блеском одна ль пленялась? —

Не первый Тевцер стрелы сидонские
Из лука сеял. — Сколько раз Илия
Терзалась во бранях? — Одни ли
Идоменей и Сфенел строптивый

Держали битвы, — говор небесных дев?
Один ли Дейфоб, Гектор божественный
Прияли священные раны
Чадам, супругам любезным в жертву? —

Так! — прежде Трои многие храбрые
Сияли в мире; всех неоплаканых
Ад отнял; в бездневной исчезли
Нощи; певца их лишило небо!..

Сокрылась доблесть, праздность нашла свой гроб;
Где ж им отлика?.. Нет, неумолчный,
Тебя воспрославлю я в песнях!
Нет, не стерплю, чтоб труды благие

---

¹ Река; Гораций родился на ее берегах. Фригиец — известный Парис. Прочие герои все взяты из «Илиады» Гомера.

Без казни, Лоллий, злomu забвению
Остались пицей. — Есть в тебе сильный дух,
Провидец испытный, и в бурно
И в безнаветное время равный; —

Алчбы коварной бич, недоступный враг
Царице злата всепривлекающей,
Ты консул не года — лет многих,
Благотворитель, законам верный,

Судяй честное выше, чем пользы все,
С челом открытым подкуп злокозненный
Отвергнул и стал пред врагами
Правды в доспехах, победоносец!..

Мудрец, ты мыслишь: света сокровища
Не зиждут счастья; имя счастливица тот
Достойно имеет, кто знает
Скромно питаться богов дарами!

Кто может терпеть бедность жестокою
И паче смерти срама боится, — муж
За братий, друзей и отчизну
Твердой опорой, готовый в гибель!

<1826>

К ТОРКВАТУ (К. II, О. 7)

— 0 0 — 0 0 — || 0 — 0 0 — 0 0 — 0
0 — 0 0 — 0 0 —

Мразы и снега прошли; луга облеклися в одежды,
В зеленые кудри древа;
Вид пременяла земля, в берегах успокоенны реки
И пышно, и ровно текут.
Грация с нимфами в хор и девы, рука в руку, резво
Ко пляскам в долину спешат.
Утренним дымом клубясь, прозрачные, белые ризы
Ни кроют, ни кажут красот.
Радостный вьется Амур, кружится средь милых и метит
В сокрытых в кустах пастухов.
«Вечного нет под луной», — то год сей, то час сей вещает,
Предтеча отрады иль бед:
Мразы согреет зефир; весна покоряется лету;
А лето хладеет, когда
Мирная осень свой рог прольет благодатный; за нею
Тяжелая валит зима!

Быстрые луны опять заменят небесные траты,
А мы, безвозвратные век,
Снидем туда мы, где Тулл, где Анк, где Эней благочестный,
И будем мы — тени и прах!
Друг мой! кто знает теперь, приложат ли вышние боги
К вечернему утренний час!
То лишь одно утекло от алчных наследника дланей,
Что сердцу даешь ты в корысть.
То лишь одно — и твое! Когда же Минос праводушный
Твой жребий высокий речет —
Поздно! ни доблесть, ни род, ни сила витийства не может
Живущим тебя возвратить!
Зевса великая дочь хранившего стыд Ипполита
От адовой мглы не спасла;
Верный Тезей не расторг стесняющих в тартаре грозном
Перитоя-друга цепей.

<1826>

ОВИДИЙ

ДВЕ ЭЛЕГИИ

* * *

(К. I, О. 2)

Страдаю. — Что виной? — Что сделалось со мною?
Мне ложе было терн, покров давил горою;
Всю ночь должайшую, всю ночь не ведал сна!
Мраз, пламень по костям; тоскою грудь полна!..
Ужели вновь любовь? Ужель сей бог суровый
Еще мне тайные свои раскинул ковы?..
Так!.. Чувствую его!.. Здесь, в сердце, здесь стрела!
Так! хитрый бог во мне. — Страсть яд свой разлила!..
Уступим? — Иль возжжем войну сопротивленьем?
Уступим!.. Тяжко зло, но легче зло терпеньем.
Так учат. — Искра спит; растрогай — вспыхнет вдруг!
Забыт горячий пепл, и скрытый жар потух!..
На ниве вол молодой, враждуя, терпит боле,
Чем тот, кто привыкал ко плуту и неволе!
Терзают удила зев дикого коня —
Узды не слышит конь, друг ратного огня!..¹
Свирует Амур против рабов упорных —
Лелеет и хранит служению покорных!..

---

¹ Обыкновенные излишества Овидия! — Я не хотел опустить их, дабы показать характер писателя.

— Готов! — Твоя корысть, сдаюся, Купидон!
Вот руки: закрепи! — Вещай мне свой закон!
К чему борьба с тобой? — Жду мира и пощады!
Сражать бессильного нет славы, нет отрады!
Венчайся миртами, закладывай скорей
Прелестной матери игривых голубей! —
От деда¹ самого нисходит колесница! —
И се! — уже на ней, прияв бразды, возница,
При кликах радостных народов, падших ниц,
К полету нудишь ты златоперистых птиц!
Влечется вслед тебе дев, юношей собрание,
Триумфа твоего верховное блистанье!..
Я сам влекусь, рукой живую рану скрыв,
Раб духом, сердцем раб, уныл и молчалив.
Влечется гордый ум, тобой смиренный в брани
(О, жалость! — на хребте закручены, зрю, длани).
Влечется робкая стыдливость в новый плен;
И всякий, кто дерзал против твоих знамен,
Окованный идет. — И пышные владыки,
И мирных пастухов играющие лики,
Волнуясь, вопиют: «Гряди, триумф, гряди!..»
Твой поезд тянется с боков и впереди:
Соблазны хитрые, лесть, нега, угожденья,
Блеск, праздность, суетность, мечты и исступленья, —
Необорима рать против богов, людей!
В ней сила вся твоя; ничтожен ты без ней!..
Так шествуешь, о вождь триумфа величавый,
И мать светлая, твоей любуясь славой,
Из сени радужной склонившись, вне себя,
Вкруг розами всего осыпала тебя! —
Какой чудесный свет!.. На крылах огонь зарницы! —
Алмазы во власах! — Огонь пышет с колесницы!
Ах! сколько, сколько жертв воспримешь ты в сей час?
Всемогущий! не хотя, не мысля, ранишь нас!
Не можешь воспретить заразам разлетаться:
Дух пламени окрест — всё должно воспалиться!
Так Бахус шествовал по Гангеса брегам:
Он был вождем зверей — ты вождь и царь умам!..
Амур! Коль суждено мне твой триумф умножить,
Восхощешь ли ты плод победы уничтожить?
Или поступишь так, как Цезарь, сродник твой? ²
Одной рукой разит, льет милости другой!..

<1826>

---

¹ От Юпитера.

² От Венеры — Эней; от Энея производил свой род Юлий Цезарь, а за ним и другие.

* * *

(К. I, О. 8)

Я прав в моей душе: любовь любви желает!..
Несчастный! — Но краса, которой грудь пылает,
Вняла ль твоим мольбам? — Позволит ли, чтоб ты
Взаимности искал!.. О, дерзкие мечты!..
Богиня Пафоса! — Мне ль благ сих наслажденья? —
Позволь, позволь хотя одни любви мученья!..
Склонись к тому, кто чтит тебя от юных лет,
Кто верностью святил свой пламенный обет!..
Пуускай не служат мне те гордости призраки
Древнейших прадедов блестящи титла, знаки.
Пусть только всадника во мне струится кровь;
Обширных нет земель, и с каждым годом вновь
Нив тучных не бугрят наемников орала:
Умеренность наш дом питает и питала;
Но Феб, но музы все, но светлый бог отрад,
Сам бог, предатель мой,¹ — о, мне не умолчать!
И доблесть, твердая против ударов рока,
И сердца искренность, и нравы без порока,
И скромность нежная — ходатаи мои!
Не всем я в дар несу и чувства свои;
Не страсти ветреной раб легкий и беспечный;
Тебя одну люблю, тебя — любовью вечной!
Тебе все дни мои, чтоб жить твоей душой
И чтобы умереть оплаканным тобой!
Ты будь восторг, будь бог счастливого поэта,
Ты песнью будь моей, друг сердца, друг совета!..
Ах! В песнях сладостных бессмертие нашли
И ты, Инаха дочь, скиталица земли,
И дева, лебедем обманутая нежным,²
И ты, которая по безднам волноснежным
Неслася на хребте притворного тельца,
Держася за рога согнутые льстеца!..
И наши песни ввек для мира не увянут!
И наши имена слиянные вспомнят!..

<1826>

---

¹ Разумеется Амур. Бог отрад — Бахус.

² Леда, которую любил Юпитер в виде лебедя; Европа — любимая — в образе тельца.

ТИБУЛЛ

К ДЕЛИИ

(К. I, О. 3)

Мессала без меня эгейскими волнами
Стремится в путь побед. — Забвен ли буду вами,
Ты, вождь возлюбленный, вы, ратные друзья!..
В чужой стране¹ томлюсь, недугом скован, я.
О смерть, сдержи удар над сиркою главою!
О смерть, сдержи удар! — Нет матери со мною,
Чтоб кости бранные в печальный склеп сложить;
Нет здесь моей сестры, чтоб пепел окропить
Благоуханием Востока драгоценным
И, гробу предстоя, — власам неувязанным —
Оплакать жребий мой. — Нет Делии при мне!..
Она — нежнейший друг! — в сердечной глубине
Скрывая грусть, когда из града отпускала,
Ко всем богам о мне с молитвой прибегала, —
На стогнах жребии священные стократ
У отрока² брала, и отрок ей возврат
Стократно обещал... Напрасны уверенья!
Как смерть, грозила ей минута разлученья!
Я, утешитель всех... что мне начать, не знал:
Я сам себе вины медленья вымышлял!
То птиц полет страшил, то признаки заметны;
То воспрещал отъезд Сатурна день обетный!³
Не раз, при выходе, коснувшись в праг ногой,
Я трепетал как лист и вспять бежал домой!
О, бойся странствовать, Амура верный читатель!
Не оскорбляй его! — Везде найдет отмститель!..
Так, Делия! Он мстит, и гнева зрю плоды! —
Спасла ль меня твоя Изида⁴ от беды?
Что помогли твои кимвальные биенья,
И омовения, и строгие пощенья?..
Теперь, богиня, ты могущество яви,
Теперь целенья дар высокий обнови,
Умножи чудеса, которыми все стены
Чертога твоего блистают испещренны!⁵
Теперь пусть Делия хвалы тебе гремит!
В одежде белой льна у врат твоих сидит!
Теперь двукратно в день — власам непокровенным —

¹ Тибулл, отправившись с римским полководцем Мессалой в Азию, занемог на дороге и должен был большой остановиться на острове Кооцире. В сей элегии описывает свое горестное положение, отъезд из Рима и пр.

² Сии отроки сидели обыкновенно на распутиях и предлагали гадающим вынуть жребий.

³ Иудейская суббота, которой также верили в Риме.

⁴ Богиня египетская. Между прочими обрядами молящие ударяли в кимвалы и наблюдали строгую чистоту.

⁵ Все стены храма исписаны были чудесами ее исцелений.

Пускай мольбы поет со клиром освященным,
Дабы я мог простерть к богам домашним длань
И Лару древнему принес обычну дань!..

Как жили счастливо в дни Кронова правленья!
Тогда еще земля не знала разделенья,
Не открывалась в бесчисленных путях;
Не пенил смелый дуб лазурных вод в морях,
Не ширил паруса в ловитву ветров льстивых;
Пловец, блуждающий окрест берегов строптивых,
Богатством чуждых стран судов не нагружал.
В то время мощный вол ярму не работал;
И удила не грыз смиренный конь в гортани!
Там дом был без дверей и все поля без грани!
Мед капал сам с дерев, и овцы сами там
Несли свое млеко к беспечным пастухам! —
Ни споров, ни войны, ни ратей разъяренных!
Кинжал и меч! — игра злодеев ослепленных! —
Не оскверняли вы искусства ковачей!
Зевес вступил на трон: се! — язвы, тьмы смертей!
И море, и земля на нас вооружились,
И в ад несчетные врата нам отворились!
Зевс, отче, пощади! — меня не тяготят,
Ни клятвы ложный стыд, ни слов продерзких яд!..
Но если жизнь моя исполнилася Днями,
Пусть гробный камень мой означится словами:
«Тибулла кости здесь. Он смертью взят к отцам,
Мессале следуя по суше и морям».
Умру! Жреца любви и трепетных мечтаний,
Сама меня введет Киприда в рай желаний,
В сады Элизия. Там песни, хоры вкруг;
Порхая, птицы там плененный нежат слух;
Лавр с миртом соплелись, лелеют в кущах радость;
В полях бессмертных роз благоухает сладость.
Сонм юношей и дев — то врознь, то вкупе вновь —
Играют, резвятся: их спор, их мир — любовь!
Там жертвы, страстию сраженные противной,
Блуждают, ветвию украшены оливной.
Вдали обитель кар, в глубоких безднах ад,
И реки черные окрест его шумят.
Ярятся фурии (с их глаз горящих змеи
Клокотятся, свистят по плечам и вкруг шеи!),
Трепещут бледные преступники, толпясь!
А там, ко вереям железных врат склонясь,
Простерся страшный пес; как чешуя ехидны,
Став дыбом, волоса шумят щетиновидны.
Там смевший искушать Юнону Иксион:
На быстром колесе в костях дробится он;
И девять десятин облегший Тиций чревом
Питает алчных птиц, посланных неба гневом!
Тантала вижу я: вкруг воды, он припал;

Уже мечтает пить — но скрылся вод кристалл!
Дары Венеры в ков утратив беззаконный,
Там девы Лету льют во кладези бездонны!¹
Там гибни, кто дерзнет мне милую смущать,
Кто мне возврата час желает отдалять!..
Нет! — ты всегда верна, и, мною страж избранный,
С тобою будет мать повсюду, беспрестанно!
При свете тихия лампы пусть она,
За сказками тебе, тончайши нити льна
Из прялки, обвитой куделью, извлекает;
Близ дева свой урок рабочий исправляет;
Сон к бедной крадется, оделись очи в мглу,
Склонилась голова... работа на полу!..
Вдруг... в этот самый миг, внезапный и неожиданный,
Я в дверь, перед тобой, как с неба ниспосланный! —
Ты ахнула; бежишь в том виде, как нашлась,
В смятенье волоса, босая, без прикрас!..
О радость!.. О, когда слетит сей день румяный,
На розовых конях, на колеснице рдяной?..

ОСВЯЩЕНИЕ ПОЛЕЙ (К. П. О. 1)

Благоговенье к богам! — Мы плоды и поля освящаем,
Как повелел нам от предков обычай наследный.
Вакх, преклонися, да грозды златые с рогов твоих блещут!
Золотом класов чело увенчай ты, Церера!
В праздник великий покойся, Земля! Ты покойся, оратай!
Плуту подъятому, труд усладися тяжелый!
Узы ярма разрешите при яслях, наполненных житом:
Там да питается вол с увенчанной главою!
Всякое дело — дар богу! Ты, мать семейства, вы, дочери!
Да не коснутся к работе прядущие руки!
Вы удалитесь, вы алтарей не скверните священных,
Коим прошедшая ночь ниспослала утехи!
Чистое вышним угодно, — вы в чистой явитесь одежде,
Чистой рукою из кладезя черплите влагу!
Зрите, как шествует агнец священный пред жертвенный камень,
Маслиной все осененные, вслед мы толпимся!
Боги родные, поля освящая, святим земледелов:
Всякое злое жените от нашей границы!
Да не обманут посевы надеждою льстивою жатвы!
Робкие овцы волков да не встретят свирепых!
Добрый оратай, любяся полной и плавою нивой,
Дубы снесет на поля, и костры воспалятся!
Дети и слуги толпою, во знаменье радостей дома,
Скачут вокруг сруба и кущи сплетают из ветвей! —

---

¹ Данаиды, умертвившие своих супругов.

Тако да будет! Приникните взором ко внутренним жертвы:
Сердце и печень нам благодать богов предвещают!
Древнюю бочку фалернского, консулов старых под знаком,
Двигайте! Сбейте на хийском смолистую пробку!
Красен пир добрым вином! На пиру, освященном богами,
Стыдно ль в хмелю волочить непослушные ноги!..
«Здравствуй, Мессала!» — Так всяк, со стаканом в деснице, воскликни!
Пусть он, отсутственный, в каждом гремит у нас слове!
Ты, аквитанским триумфом возвышенный в сонме героев,
Ты, победитель, величие предков брадатых,
Сниди, незримый, вдохни в меня силу для песней крылатых
Благодаренья небесным хранителям жатвы!
Поле, богов полевых воспеваю! Богам восхотевшим,
Дуба плодами питаться отвыкла жизнь смертных!
Прежде они научили, скрепив переклады на ветках,
Листьями древ покрывать необстроенный домик!
Думают также, они усмирили волов на служенье
И под телегу селян прикрепили колеса!
Дикая пища отвергнута: плод благосочный алеет;
Сад изобильный пьет чистые воды в потоках;
Грозд златовидный под резвой стопою дал сок благодатный:
Радостно-пьяное слилось со влагою трезвой!..
Нивы даруют нам жатву, когда, воспаленные летом,
Желтые Матери общей власы опадают;
Рея по злачному лугу, пчела собирает дань улью,
Чтобы ячейки исполнить от сотов медовых.
Прежде других земледел, обеспеченный верностью плуга,
Мерной стопою воспел безыскусственны песни;
Прежде других сочетал он свой голос с свирелию звонкой, —
И вознеслись торжественны гимны на небо!
Первый оратай, намазанный яркою краской, о Бахус,
С новым искусством водил твои шумные хоры!
Вымысл чудесный приял от богатого стада наградой
Козлище: кротких овец бородатого вождя!
С луга весеннего отрок, цветы собирая, составил
Вязи, и ветхого Лара чело увенчал он;
С паствы веселой, услужливый радостям девы младыя,
Нежную волну приносит играющий агнец!
Вот и работы жен милых: и прялка, и пряжа, и гребень;
Между перстов вретено, навиваяся, пляшет со свистом!
Дома хозяйка, при краснах Минервы сидя, воспевает
Песни; челн реет, бьет бердыш и красны трясутся.
Думают, самый Амур возродился средь стад нежнорунных,
Между овец, и волов, и коней буйнорьяных.
Там, неискусный, он прежде испытывал лук тетивую;
К нашему горю, как ныне рука его верно
Мстит! — Уже не животные токмо, — прелестные Девы
Метою стали! — Мужей он гордыню смиряет!
Сыплет роскошно на юношей блага, и старцев он нудит,
Прелести гордой при праге, в мольбах унижаться!
Им предводимая тайно, чрез спящего стража препрыгнув,

Дева во мраке одна поспешает к любимцу;
Тихо стопы подвигая, трепещуща, страхом волнуясь, —
Руки вперед — испытует таинственный путь свой.
Бедные, бедные, коих Амур ненавидит! Стократно
Счастлив, кому он приветною веет любовью!
Сниди, священный, на пиршества, праздники, сниди! — Но стрелы,
Далее стрелы оставь, и далее светоч!..
Славьте вы бога, молитесь его благосклонность ко стаду;
Голосом громким ко стаду, к самим себе, тихо!..
Нужды нет, громче к себе призывайте: фригийские трубы
Шум молодых шалунов все слова заглушают.
Пойте, играйте; се Ночь — в колесницу коням запряженным —
Катится; матери следом звезд хоры несутся;
Тихо, безмолвно чуть движется Сон на крылах бледно-темных;
В призраках дивных толпятся за ним Сновиденья.

<1826>

ПРОПЕРЦИЙ

К ЦИНТИИ

Нет, Цинтия, не смерть, не бледны Орка тени
Виной таинственных души моей смятений!
Готов исполнить долг, не оробею я;
Боюсь не того: боюсь, чтоб смерть моя
Твоей любви ко мне со мной не погасила...
Ах! мысль сия страшней, чем хладная могила!

Ужели так слаба любовь у нас в сердцах,
Чтоб с жизнью умерла и мысль о мне, как прах!
Герой Протезила́й Айд́еа в мгле унылой
Не в силах был забыть своей супруги милой.¹
Но, дух, он, радостью обманчивой влеком,
Узреть, обнять ее притек в свой древний дом!..
Поверь, каков я здесь, таков и в мраках ада:
Любви моей ни Стикс, ни Цербер не преграда!
И там любовник твой, душа души моей!
Пускай красавицы давно минувших дней,
Героев дочери предстанут предо мною —
Не бойся: ни одной я не сравню с тобою!
Клянуся именем в том матери-земли!..
Хотя бы вышние в совете изрекли
Тебе позднейшие увидеть жизни лета,
Не охладею я: на праге стану света,

---

¹ По баснословию, он получил позволение от Плутона возвратиться на этот свет и пробыть три часа у супруги своей Лаодамии.

Страсть ту же принесу поблекнувшим красам;
С восторгом обниму притекшую к теням!..
Ах! если б ты всегда, подобно мне, пылала,
Тогда бы смерть нигде меня не устрашала,
Тогда б не умирал, я жил в тебе тобой!
Но, может быть, увы! любовник молодой,
Тебя от моего навек отринув праха,
У тени моя последний дар — без страха —
Отнимет: осушит твои потоки слез,
И жертвой будешь ты ласканий иль угроз!..
Ужасно!.. Ускорим златое наслажденье!..
Живи сто лет, сто дней, — в любви одно мгновенье!..

<1826>